

«РОДИТЕЛЬСКІЙ КРУЖОКЪ» при Педагогич. музеѣ в.-уч. зав. въ СПБ.

0 82

201-04

2-22

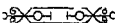
~~139~~ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ VI.

О дѣтской подражательности.

П. Ф. Каптерева.

Редакторъ П. Каптеревъ.

Завѣдыв. изданіемъ Алексѣй Альмедингенъ.

Адресъ редакціи: СПБ., Моховая, д. 1, кв. 6.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 20 іюля 1898 г.

2005346640

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, № 18.

О ДѢТСКОЙ ПОДРАЖАТЕЛЬНОСТИ.

Подражательность—великая сила. Въ самомъ широкомъ смыслѣ слова подражательность есть повтореніе. Кто подражаетъ кому-либо или чему-либо, тотъ повторяетъ предметъ подражанія въ какомъ-либо отношеніи, воспроизводитъ его болѣе или менѣе точно. Въ жизни вселенной, въ неорганической природѣ подражательность имѣетъ своимъ подобіемъ однообразныя, т. е. повторяющіяся, колебанія свѣтовыхъ волнъ, воздуха, воды и всѣ вообще повторяющіяся явленія; въ органическомъ мірѣ она имѣетъ подобія въ воспроизведеніи поколѣній, повторяющихъ одно другое въ формѣ, величинѣ, строеніи, отправленіяхъ и дѣятельности. Въ человѣческой жизни подражательность также великая сила, безъ ея виднаго участія не можетъ надлежащимъ образомъ развиваться ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлое общество. Въ человѣческой жизни одинаковаго, повторенія очень много, куда ни погляди, всюду заимствованія и подражанія.

I.

Опредѣленіе подражательности.

Что такое подражательность? При опредѣленіи подражательности, нужно обратить вниманіе, прежде всего, на повтореніе, связь съ которымъ подражательности наиболѣе тѣсна.

Какъ скоро происходитъ подражаніе, то происходитъ и

повтореніе; всякое подражаніе есть повтореніе и инымъ быть не можетъ. Но не всякое повтореніе есть подражаніе. Повторять можно и не подражая. Напримѣръ, можно сдѣлать открытіе во второй разъ, совсѣмъ не зная о томъ, что оно уже сдѣлано. Второе открытіе не будетъ такимъ образомъ подражаніемъ первому. Органическія дѣятельности повторяются безъ подражанія, вслѣдствіе присущей имъ необходимости, каковы акты питанія, размноженія. Повторяются безъ подражанія и нѣкоторыя движенія, вызванныя внѣшними обстоятельствами, напримѣръ, движенія при защитѣ, при нападеніи, при производствѣ какой-либо физической работы. Повторяемость такихъ движеній опредѣляется самой ихъ природой. Какъ же точнѣе опредѣлить, какія повторенія составляютъ подражанія?

Подражанія суть воспроизведенія (или повторенія) такихъ дѣйствій, поступковъ, намѣреній, мыслей, чувствованій, цѣлыхъ происшествій и вообще такой всякаго рода сложной дѣятельности, сейчасъ наблюдаемой или только припоминаемой, о которой мы имѣемъ болѣе или менѣе ясное сознаніе, что она совершена другими, что мы ее совершаемъ не первые.

Не рѣдко область подражательности ограничиваютъ движеніями и поступками, вслѣдствіе чего о подражательности иные психологи говорятъ въ отдѣлѣ о волѣ и именно о подражательныхъ движеніяхъ. Въ дѣйствительности область подражательности гораздо шире, она захватываетъ всю душевную жизнь. Съ точки зрѣнія даннаго опредѣленія подражательности, процессъ усвоенія является процессомъ подражанія. Когда ученикъ повторяетъ за учителемъ его объясненіе, когда дитя учится у иностранной бонны иностранному языку, когда одинъ народъ перенимаетъ одежду, манеры, образъ жизни, политическія учрежденія и религію другого народа, тогда мы во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ подражаніемъ, т. е. съ воспроизведеніемъ наблюдаемаго, рассказаннаго, вычитаннаго, съ повтореніемъ чего-то, сдѣланнаго другими, причѣмъ намъ хорошо бываетъ извѣстно, что это сдѣлано другими.

Образованіе привычекъ находится въ самой тѣсной связи съ подражательностью. Необходимое и существеннѣйшее условіе образованія привычки заключается въ неизмѣнномъ, болѣе или менѣе продолжительномъ, повтореніи извѣстнаго явленія. Приученіе къ правильной рѣчи заключается въ безчисленномъ повтореніи словъ и фразъ изучающему языкъ, приученіе къ порядку—въ безчисленномъ множествѣ соответствующихъ примѣровъ и дѣйствій. Для образованія привычекъ чрезвычайно важенъ живой примѣръ, которому можно было бы подражать; одними словесными внушеніями создать привычку крайне трудно. При живомъ же примѣрѣ она возникаетъ сама собой, силой подражательности.

Процессъ образованія симпатическихъ чувствованій также невозможенъ безъ подражанія. При симпатическихъ волненіяхъ мы переживаемъ состояніе другого, чужую радость, чужое горе дѣлаемъ на время своими. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда видъ чужого горя и радости или живой рассказъ о нихъ, живое изображеніе ихъ увлекаютъ насъ, и мы, увлеченные, начинаемъ подражать, т. е. воспроизводимъ, повторяемъ, переживаемъ, насколько можемъ, состояніе другого.

Въ развитіи общественной жизни, въ историческихъ и соціологическихъ явленіяхъ подражательность является на столько виднымъ дѣятелемъ, что нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ Тардъ, склонны видѣть въ ней, если не самый главный, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ самыхъ главныхъ факторовъ развитія человѣческихъ обществъ. Даже гениальная, творческая мысль, по Тарду, есть не что иное, какъ встрѣча одного подражанія съ другимъ, однихъ традиционныхъ ученій съ другими, а всякое изобрѣтеніе есть счастливая встрѣча въ мыслящемъ мозгу какого-либо подражательнаго теченія съ другимъ подражательнымъ потокомъ, усиливающимъ первый, или съ какимъ-либо внѣшнимъ рѣзкимъ впечатлѣніемъ, бросающимъ внезапный свѣтъ на перенятую мысль и т. п. Столь значительной и глубокой представляется сила подражанія.

Слѣдуетъ ли признавать подражательность инстинктомъ? На этотъ вопросъ нѣкоторые изслѣдователи (напримѣръ Компэйре) отвѣчаютъ утвердительно, зачисляя подражательность, вмѣстѣ съ любопытствомъ, въ разрядъ „воспитательныхъ инстинктовъ“ (*les instincts educatifs*). Но въ такой постановкѣ дѣла мало пользы для разъясненія подражательности.

Признаніе какой-либо дѣятельности инстинктивной полагаетъ конецъ изслѣдованію о происхожденіи этой дѣятельности. Инстинктъ влагается въ существо самой природой и представляетъ собою что-то неразложимое, первичное; между тѣмъ мы далѣе увидимъ, что подражательность имѣетъ свои, совершенно опредѣленные и ясныя, причины въ свойствахъ душевныхъ явленій, такъ что прибѣгать къ ссылкѣ на инстинктъ нѣтъ никакой нужды. Инстинктъ всегда носитъ нѣкоторый спеціальный характеръ и оттѣнокъ, тогда какъ подражательность по своему существу чрезвычайно обширна, обнимаетъ всю душевную жизнь. Чтобы объяснить все, что относится къ подражательности, инстинктомъ, приходится чрезвычайно расширить этотъ инстинктъ, уничтожить его связь съ какими-либо опредѣленными органами и понимать его, „какъ общее и глубокое стремленіе природы“, „наклонность къ подражанію“, „слѣпое влеченіе подчиняться тому, что показываютъ“ и т. д. (Компэйре). Изъ такой фразеологии о подражательности, какъ инстинктъ, не спеціально, дѣйствующемъ чрезъ посредство опредѣленныхъ органовъ, а всеобщемъ, ни съ однимъ органомъ прямо не связанномъ, только лишь какъ о „наклонности къ подражанію“, трудно извлечь какіе-либо положительные выводы, разъясняющіе природу и развитіе подражательности. Поэтому лучше будетъ неопредѣленные рѣчи объ инстинктѣ подражательности оставить, а попытаться отыскать дѣйствительныя причины, вызывающія подражательность, и уяснить условія, опредѣляющія ея развитіе.

II.

Причины подражательности.

Главныхъ причинъ подражательности двѣ: одинаковость человѣческой организаціи и заразительность душевныхъ явленій.

Если разсматривать людей различныхъ вѣковъ, племенъ, жителей различныхъ частей свѣта, то легко замѣтить, что между ними гораздо больше одинаковаго, чѣмъ различнаго. Основныя человѣческія потребности всюду однѣ и тѣ же, какого бы человѣка мы ни взяли: древняго или новаго, европейца или американца, образованнаго или необразованнаго. Различія между людьми начинаются не съ главныхъ, самыхъ существенныхъ и характерныхъ, свойствъ, а съ второстепенныхъ.

Самыя широкія и большія различія это—расовыя. Индоевропеецъ отличается отъ симита мѣстомъ жительства, нѣкоторыми свойствами физической организаціи, языкомъ, религіей и массой болѣе мелкихъ чертъ, находящихся въ зависимости отъ указанныхъ главныхъ. Народныя отличія между людьми менѣе глубоки и важны, чѣмъ расовыя. Китаецъ отъ японца, французъ отъ нѣмца отличаются гораздо меньше, чѣмъ индоевропеецъ отъ симита. Народныя различія—это тѣже расовыя свойства, но принявшія частную народную форму примѣнительно къ странѣ, въ которой живетъ народъ, особенностямъ его прошлаго, его сосѣдей и вообще сношеній. Самыя мелкія различія суть личныя различія, составляющія самое поверхностное наслоеніе на человѣкѣ, отличающее Ивана отъ Сидора, но, конечно, чрезвычайно важное для этихъ Ивановъ и Сидоровъ. Исчезни индивидуальный признакъ, и тогда всѣ Ивановы и Сидоры извѣстнаго народа сольются между собою. Самые различные люди одного народа менѣе различаются между собою, чѣмъ самые сходные, принадлежащіе къ различнымъ народностямъ

и особенно расамъ, хотя все болѣе и болѣе учащающіяся сношенія между образованными людьми различныхъ народностей начинаютъ приводить ихъ къ одному сходному типу, съ весьма значительнымъ сглаживаніемъ народныхъ и расовыхъ особенностей.

Одинаковость строенія человѣческаго организма обуславливаетъ одинаковыя потребности людей и одинаковыя средства удовлетворенія потребностей. А вмѣстѣ съ этимъ открывается самая широкая дверь для подражаній и заимствованій. Зачѣмъ каждому выдумывать все самому? Все главное и существенное можно взять у другихъ, такъ какъ другіе хотятъ того же, чего хочу я, и удовлетворяютъ свои желанія способомъ, одинаковымъ съ моимъ. Поэтому всякія изобрѣтенія и усовершенствованія распространяются очень быстро и широко между людьми. Что придумано въ одномъ уголкѣ земного шара, то быстро облетаетъ весь земной шаръ; тѣмъ молоткомъ, той сохой, которые изобрѣли наши отдаленные предки, мы пользуемся и теперь; то преступленіе, которое совершилъ первый человѣкъ, повторяется безъ конца въ его потомствѣ. Иначе и быть не можетъ при одинаковости строенія человѣческаго организма, его потребностей, страстей и средствъ ихъ удовлетворенія. Человѣку приходится пускаться на выдумки въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается его расовыхъ потребностей, народныхъ и личныхъ. Но и эти потребности возникаютъ и развиваются во всей своей широтѣ и силѣ не сразу, а формируются помаленьку, незамѣтно, крупинка въ нихъ прибавляется къ крупинкѣ; а сообразно съ постепенностью образованія потребностей, постепенно происходитъ и ихъ удовлетвореніе, такъ что отъ человѣка не требуется разомъ проявленіе значительнаго творчества, а лишь маленькое приспособленіе къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Да и въ такомъ приспособленіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ родѣ Гарда, подражательность играетъ главную роль.

Къ одинаковости человѣческаго организма, побуждающей

къ подражанію, присоединяется заразительность человѣческихъ дѣйствій и вообще душевныхъ явленій.

Когда одинъ человѣкъ подражаетъ другому, когда состояніе одного, подобно заразѣ, распространяется на массу, а масса, въ свою очередь, заражаетъ своимъ настроеніемъ другія единицы и новыя массы, что обыкновенно и бываетъ при душевныхъ заразныхъ эпидеміяхъ, тогда, очевидно, состояніе одной личности переходитъ на другія. Какъ представлять такой процессъ? Какъ совершается подобный переходъ?

Дѣло начинается съ какого-либо психическаго состоянія отдѣльной личности. Душевное состояніе находится въ неразрывной связи съ нервною дѣятельностью. Послѣдняя съ центровъ нервной системы распространяется на нервы, съ нервовъ на мускулы, которые, сокращаясь, вызываютъ измѣненія лица, дыханія, кровообращенія, посадки всего тѣла, движеній, звуковъ. Душевное явленіе влечетъ такимъ образомъ цѣлый рядъ органическихъ перемѣнъ. Эти послѣднія, въ свою очередь, обуславливаютъ перемѣны въ окружающей средѣ — движенія волнъ воздуха или свѣтового ээира, звуковыя или свѣтovyя волны. Указанные три момента явленія: душевное состояніе съ нервнымъ, органическія перемѣны, вызванныя послѣднимъ, и движеніе свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ — тѣсно, неразрывно связаны между собою и составляютъ собственно одно сложное явленіе. Звуковыя и свѣтovyя волны, распространяясь, достигаютъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ зрителей и слушателей и вызываютъ у нихъ подобный же рядъ движеній, но въ обратномъ порядкѣ: внѣшнее движеніе возбуждаетъ дѣятельность зрѣнія, слуха и другихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, которая, въ свою очередь, достигнувъ центровъ нервной системы, обуславливаетъ пониманіе душевнаго состоянія, переживаемаго инициаторомъ всѣхъ этихъ фактовъ.

Такимъ образомъ въ подражаніи мы имѣемъ два факта: одинъ, развивающійся изнутри ко внѣ. Это начальный фактъ, производитель; другой, развивающійся отъ внѣ кънутри и состоящій въ усвоеніи перваго. Это подражатель.

Но почему душевное состояніе у подражателя развивается въ томъ же видѣ, какъ у оригинала? У подражателя душевное состояніе сначала заключается въ пониманіи душевнаго состоянія оригинала, безъ его органическихъ спутниковъ. Почему же это пониманіе не остается на степени теоретическаго явленія, а переходитъ въ измѣненіе дыханія, кровообращенія, въ крики, словомъ, въ полное переживаніе состоянія оригинала? Въ чемъ заключается самая зараза человѣческихъ дѣйствій и вообще душевныхъ состояній? Разгадка заключается въ ихъ дѣятельномъ, точнѣе, двигательномъ характерѣ.

Каждое душевное состояніе есть дѣятельность, энергія, побуждающая къ соотвѣтственному дѣйствию. Самое отвлеченное мышленіе есть работа, рядъ процессовъ въ центрахъ нервной системы; а эта работа не проходитъ безслѣдно для органовъ движенія, она задѣваетъ ихъ, побуждаетъ хотя бы и къ слабой дѣятельности. Когда человѣкъ стоитъ на страшной высотѣ, тогда его невольно тянетъ броситься внизъ. Такое влеченіе обусловливается не головокруженіемъ, а ясной отчетливой идеей паденія, которая, будучи дѣятельной силой, соотвѣтственно возбуждаетъ нервы и мускулы. Представьте отчетливо что-либо очень кислое, напримѣръ вкусъ лимона, и вы замѣтите, что у васъ отдѣляется слюна. Какъ былъ бы возможенъ этотъ фактъ обыденной жизни, если бы наши представленія не были энергіями, дѣятельными силами? Взгляните на зѣвающего человѣка и вы заразитесь его зѣвотой. Отчего? Оттого, что у васъ возникло ясное представленіе о зѣваніи, которое, будучи дѣятельной силой, вызвало зѣваніе и въ васъ. Каждое душевное состояніе побуждаетъ къ соотвѣтствующему дѣйствию. Отсюда и становятся понятными подражанія прочитанному или слышанному, напримѣръ самоубійство на манеръ изображеннаго въ романѣ, преступленія, совершенно подобныя тѣмъ, о которыхъ было сообщено въ газетахъ. Всѣмъ извѣстны факты внушенія, а они оставались бы всецѣло непонятными, если бы внушаемая мысли, намѣренія и жела-

нія не имѣли двигательной силы, не были бы живыми энергіями.

На этотъ послѣдній рядъ фактовъ мы обращаемъ особенное вниманіе тѣхъ, кто желаетъ представить себѣ съ надлежащею отчетливостію двигательную силу душевныхъ состояній.

Внушеніе дѣлается въ особомъ состояніи. Что происходило въ этомъ состояніи—въ обыкновенной бодрственной жизни не вспоминается. Внушенія дѣлаются самыя разнообразныя, не только согласныя съ свойствами извѣстнаго лица, но и несогласныя. Внушеніемъ пользуются для исправленія недостатковъ и иногда достигаютъ цѣли. Предметомъ внушенія бываетъ или какое-либо несложное дѣйствіе, которое выполнить не особенно трудно, или же цѣлая система дѣйствій, требующая для своего выполненія значительнаго труда и усилий. Выполненіе внушенныхъ приказаній сопровождается соотвѣтствующими чувствованіями: радости, печали, гордости, стыда, страха, благоговѣнія и пр. Внушеніе выполняется не всегда сейчасъ послѣ того, какъ человѣкъ выведенъ изъ особеннаго состоянія, въ которомъ происходило внушеніе, но, согласно самому внушенію, отлагается на недѣлю, на двѣ, даже на мѣсяць, и все же совершается въ назначенное время. Внушенія дѣлаются не только не согласныя съ свойствами извѣстнаго лица, но даже и противорѣчащія имъ, на примѣръ, боязливому внушаются необыкновенно мужественныя дѣянія, стыдливому—довольно рискованныя по части стыдливости, женщинѣ—поступки, свойственные мужчинѣ и т. п. Не смотря на такое противорѣчіе внушеній природѣ лица, они исполняются. Внушеніе, т. е. душевное состояніе, вызванное или возникшее въ комъ либо, есть сила, которая, повидимому, неодолимо увлекаетъ къ соотвѣтственному дѣйствію.

Такимъ образомъ процессъ подражанія въ полномъ своемъ видѣ слагается изъ слѣдующихъ фактовъ: 1) изъ первоначальнаго факта—производителя, развивающагося изнутри ко внѣ; 2) изъ вторичнаго факта, составляющаго вос-

пріятіе и пониманіе перваго и развивающагося отвнѣ кнутри, и 3) изъ факта, выражающаго собственно подражаніе, снова развивающагося изнутри ко внѣ и повторяющаго съ большей или меньшей точностью первый фактъ, всю его органическую обстановку. Послѣдніе два факта собственно есть одинъ сложный фактъ, представляющійся на двухъ ступеняхъ своего развитія. Такими причинами подражательности опредѣляются характеръ ея, условія и общій ходъ развитія.

III.

• Характеръ подражательности.

Подражательность не есть механическій актъ, не есть автоматическое перенесеніе безъ измѣненія состоянія съ одного лица на другое, не есть простое повтореніе и воспроизведеніе, а есть собственная дѣятельность извѣстнаго лица, развиваемая имъ по поводу впечатлѣній, получаемыхъ отъ другого лица. Въ нашъ душевный организмъ ничего нельзя внести совнѣ; внѣшними возбужденіями его можно только вызывать на собственную дѣятельность. Какъ скоро впечатлѣніе кѣмъ-либо воспринимается, оно воспринимается въ опредѣленную психическую среду, въ опредѣленные взгляды, ассоціаціи, планы, убѣжденія, настроенія. Между получаемымъ впечатлѣніемъ и средой, въ которую оно вступаетъ, могутъ быть согласіе и несогласіе, гармонія въ одномъ и дисгармонія въ другомъ, вслѣдствіе чего полученное впечатлѣніе можетъ или легко или съ трудомъ выразиться вовнѣ; между старымъ и новымъ можетъ возникнуть борьба или взаимная поддержка. Такимъ путемъ объясняется, почему, при видѣ одного и того же факта, одинъ человекъ подражаетъ, а другой не подражаетъ; почему изъ подражающихъ одинъ подражаетъ сильнѣе, а другой слабѣе; почему при подражаніяхъ къ воспроизводимому прилипаетъ нѣчто постороннее, свойственное лично подражателю; почему вообще подражаніе представляетъ смѣсь чужого и своего, воспро-

изведенія и творчества, причѣмъ преобладаетъ то одинъ, то другой изъ этихъ элементовъ.

Бываютъ гении подражательности. Это такія лица, которыя, много и хорошо подражая, въ тоже время вкладываютъ въ подражанія значительную долю своего, такъ что бываетъ трудно опредѣлить, гдѣ кончается подражаніе и начинается творчество, точнѣе говоря, когда творчество и заключается въ особенномъ своеобразномъ подражаніи. Любопытное явленіе представляетъ въ этомъ отношеніи Жуковскій, который очень справедливо и мѣтко сказалъ о своихъ литературныхъ произведеніяхъ, что „въ нихъ все чужое и все свое“. Онъ заимствовалъ, переводилъ, подражалъ, онъ пѣлъ, какъ будто, съ чужого голоса, былъ несамостоятельнымъ художникомъ, но въ свои подражанія и заимствованія, въ свои переводы внесъ столько собственнаго, столько творчества, что могъ сказать про свои произведенія, что „въ нихъ все чужое и все свое“. — Подобнымъ же гениемъ подражательности былъ и Петръ Великій.

Противоположность гениямъ подражательности составляютъ, если можно такъ выразиться, идіоты подражательности, которые, подражая, копируютъ буквально, точка въ точку, не принося въ подражаніе ничего своего и притомъ подражая только внѣшности. Это какіе-то автоматы, простые отражатели и воспроизводители полученныхъ впечатлѣній. Такая подражательность часто бываетъ болѣзненнымъ явленіемъ и выражается подчасъ въ странныхъ формахъ. Больные повторяютъ послѣднія слышанныя фразы, видѣнные жесты и движенія. „Здравствуйте“, говоритъ докторъ такому больному. „Здравствуйте“, повторяетъ больной, не присоединяя никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. „Пульсъ слабъ“, замѣчаетъ докторъ. „Пульсъ слабъ“, повторяетъ, какъ эхо, больной. „Покажите мнѣ языкъ“, говоритъ врачъ. „Покажите мнѣ языкъ“, повторяетъ больной, при чемъ иногда высовываетъ языкъ, а иногда не показываетъ. Случается, что такіе больные буквально повторяютъ движенія одинъ другого: если одинъ всталъ, встаетъ и другой; если

одинъ состроилъ гримасу, гримасничаетъ и другой; если одинъ чихнулъ, начинаетъ чихать и другой.

Въ виду множества и разнообразія формъ подражательности, общія сужденія о ея характерѣ приходится произносить съ большою осторожностью. Чтобы подражать, нужно наблюдать, имѣть представленіе о предметѣ наблюденія и быть въ состояніи выполнить движеніе, соотвѣтствующее представленію. Подражательная дѣятельность, какъ будто, предполагаетъ намѣреніе и желаніе подражать, поэтому Прейеръ утверждаетъ, что „когда дитя подражаетъ, тогда оно уже имѣетъ волю“ и что „первыя подражанія совершаются по желанію“.

Точно также Эггеръ относитъ подражательныя дѣйствія къ разряду разумныхъ и полагаетъ, что въ подражаніи человѣкъ прежде всего заявляетъ себя разумнымъ существомъ. Разумное же существо то, которое дѣйствуетъ съ пониманіемъ, ради пониманія и которое сознаетъ мотивы своихъ дѣйствій.

Между тѣмъ, съ этими утвержденіями согласиться невозможно. Воля — явленіе сложное, образуется она постепенно, и въ первое время жизни человѣкъ волей совсѣмъ не владѣетъ, необходимые для ея образованія элементы еще не возникли. А подражанія начинаются, какъ увидимъ дальше, весьма рано, прежде образованія воли, и первыя подражанія суть явленія мимовольныя и до-вольныя. Позднѣе подражанія совершаются по желанію и при посредствѣ воли. Намѣренія и желанія подражать въ первыхъ подражаніяхъ также не бываетъ, равно какъ сознанія мотивовъ; самыя подражанія едва ли понимаются, такъ какъ совершаются безъ всякихъ предварительныхъ чувствованій и желаній, наблюденій и соображеній, подъ влияніемъ сейчасъ испытываемаго впечатлѣнія. Такимъ образомъ о подражаніяхъ вообще нельзя утверждать, что они всегда совершаются съ намѣреніемъ и желаніемъ, по волѣ подражающаго, что они разумныя дѣйствія.

Можно ли утверждать, что подражанія непременно суть

сознательныя дѣятельности? Подражать человѣкъ начинаетъ такъ рано, подражаетъ такъ много помимо желанія и намѣренія, что первыя подражанія, кажется, невозможно приписать къ сознательнымъ явленіямъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ связанъ съ отвѣтомъ на болѣе широкій вопросъ: какъ далеко простирается сознание человѣка? Человѣкъ есть ли сознательное существо съ перваго ощущенія, или сознание возникаетъ въ немъ съ какого либо періода его существованія? Мы полагаемъ, что низшія ступени сознательности нужно приписать человѣку и въ первые дни его жизни, а потому и первыя подражанія признаемъ сознательными явленіями, хотя бы и въ слабой степени.

IV.

Условія развитія подражательности.

Главнѣйшее условіе, благопріятствующее развитію подражательности, заключается въ одинаковости настроенія между образцомъ и подражателемъ. Какъ для развитія тѣлесныхъ эпидемическихъ заболѣваній весьма важна подготовленная почва, т. е. извѣстные недостатки питанія, дурной воздухъ, однообразный и чрезмѣрный трудъ, пьянство и т. п., такъ и для эпидемической подражательности важнымъ условіемъ оказывается одинаковость настроенія. Значеніе этого условія особенно ясно обнаружилось въ психическихъ эпидеміяхъ. Крестовые походы, преслѣдованія колдуній и вѣдьмъ, пляска св. Витта и всѣ безчисленныя душевныя эпидеміи среднихъ вѣковъ и новаго времени предполагаютъ глубокое единство въ настроеніи мысли и чувства людей, поддавшихся этимъ эпидеміямъ. Человѣкъ не такъ вѣровавшій во Христа, какъ вѣровала средневѣковая толпа, человѣкъ не считавшій возможнымъ для кого бы то ни было заключеніе договора съ сатаной, не могъ участвовать ни въ крестовыхъ походахъ, ни въ преслѣдованіяхъ колдуній и вѣдьмъ. Противоположное настроеніе, наоборотъ, дѣлало его легкой добы-

чей широко распространившейся эпидеміи. Извѣстно, что дѣти больше подражаютъ дѣтямъ же, а взрослые взрослымъ, военные военнымъ, ремесленники ремесленникамъ, мужчины мужчинамъ, а женщины женщинамъ. Гдѣ больше сходства въ настроеніи, образованіи, возрастѣ, полѣ, общественномъ положеніи, матеріальномъ достаткѣ, профессиональномъ занятіи, тамъ больше и подражательности, тамъ подражательность не встрѣчаетъ препятствій въ особенныхъ свойствахъ лицъ и распространяется быстро, легко и широко.

Второе весьма важное условіе развитія подражательности состоитъ въ неустановленности, въ незрѣлости подражателя. Каждое душевное явленіе влечетъ къ соотвѣтственной дѣятельности и, если не встрѣчаетъ препятствія въ другихъ душевныхъ явленіяхъ, то и выражается въ различныхъ поступкахъ. Незрѣлые, неустановившіеся организмы наименѣ способны оказывать сопротивление давленію даже мимолетныхъ впечатлѣній и обыкновенно идутъ вслѣдъ за такими впечатлѣніями. Человѣка установившагося, выработавшаго опредѣленные взгляды и убѣжденія, сбить съ его пути трудно, трудно увлечь его случайными, даже самыми заманчивыми, впечатлѣніями и общаніями, если они несогласны съ его коренными убѣжденіями. Вся его личность, все его существо поднимутся противъ подобныхъ приманокъ, и онѣ легко потеряютъ для него всякую притягательную силу. Иное дѣло неустановившійся, незрѣлый человѣкъ, онъ легко поддастся первому впечатлѣнію. А въ такомъ именно положеніи и находятся дѣти, организмъ которыхъ только что строится. Пока организмъ не сформировался и находится въ процессѣ образованія, тогда онъ наиболѣе склоненъ къ подражанію, такъ какъ не можетъ въ это время оказать значительнаго противо-дѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ, не можетъ дать отпора притекающимъ къ нему впечатлѣніямъ. Въ немъ все строится, ничего не установилось, поэтому каждое внѣшнее воздѣйствіе легко завладѣваетъ имъ и подчиняетъ себѣ, придавая ему на время свой видъ и свойства. Въ той мѣрѣ, какъ ор-

ганизмъ будетъ болѣе и болѣе приближаться къ законченной и устойчивой формѣ, онъ будетъ менѣе податливъ на внѣшнія возбужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе подражательнъ. Наиболѣе подражательныя существа — дѣти, наименѣе подражательныя — старики. У послѣднихъ есть на все свои взгляды и убѣжденія, у нихъ своего ума довольно и жить чужою жизнью имъ не приходится; у первыхъ почти ни чего своего нѣтъ.

Третье благоприятное условіе для развитія подражательности—общая легкая воспріимчивость человѣка къ раздраженіямъ, его нервность, чуткость и отзывчивость на разныя возбужденія. Натуры людей по своему общему складу и, въ частности, въ отношеніи къ быстротѣ и силѣ воспріятія впечатлѣній не одинаковы и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, легко возбудимыя натуры скорѣе и страстиѣе отдаются подражательности, чѣмъ натуры другого склада—тяжелыя, невоспріимчивыя, тупыя.

Наконецъ, въ самомъ впечатлѣніи, служащемъ образцомъ подражанія, могутъ заключаться благоприятныя или неблагоприятныя условія для развитія подражательности. Въ этомъ отношеніи весьма важна сложность или простота образца. Сложность затрудняетъ подражаніе, простота — облегчаетъ. Наблюдая разные случаи подражательности, совершаемые разными людьми, мы часто замѣчаемъ, что сложность образца прямо препятствуетъ подражательности. Подражаніе начинается и затѣмъ скоро прекращается за слабостію способностей, необходимыхъ для подражанія сложному образцу. Такой фактъ нерѣдко можно бываетъ наблюдать и надъ взрослыми и надъ дѣтьми. Позднѣе мы увидимъ, что подражаніе вообще развивается отъ простаго къ сложному.

Точно также для развитія подражательности имѣетъ большое значеніе сила впечатлѣнія, производимаго образцомъ на подражателя. Сильныя впечатлѣнія естественно скорѣе увлекаютъ къ подражанію, чѣмъ слабыя.

V.

Общій ходъ развитія подражательности.

Сущностию процесса подражанія опредѣляется и общій ходъ его развитія. Гардъ ¹⁾ признаетъ возможнымъ общій ходъ подражательности опредѣлить такъ: отъ внутренняго къ внѣшнему и отъ высшаго къ низшему. Образцы внутренніе возбуждаютъ, будто бы, подражаніе прежде образцовъ внѣшнихъ. Сначала подражаютъ идеямъ, а потомъ ихъ выраженію; сначала подражаютъ цѣли, а потомъ средству. Точно также примѣры личностей или классовъ и мѣстностей, признаваемыхъ высшими, берутъ верхъ надъ примѣрами личностей, классовъ и мѣстностей низшихъ, вслѣдствіе чего подражаніе состоитъ въ нисхожденіи примѣра, идетъ отъ высшаго къ низшему. Такое начертаніе общаго хода подражательности неправильно по своему существу.

Процессъ подражательности начинается съ воспріятія и пониманія внѣшнихъ знаковъ какого-либо душевнаго состоянія. Мы не можемъ непосредственно проникнуть въ душу другого человѣка и наблюдать, что въ ней дѣлается, мы можемъ знать о душевныхъ состояніяхъ другого лишь настолько, насколько они выражаются во внѣшнихъ знакахъ. Поэтому прежде, чѣмъ мы поймемъ вполне состояніе другого, мы должны усвоить его по частямъ, наблюдать каждый отдѣльный внѣшній знакъ, его себѣ объяснять и истолковывать, а потомъ, на основаніи отдѣльныхъ воспріятій и истолкованій, понять состояніе въ цѣломъ. Я нахожусь въ театрѣ и увлекаюсь подражаніемъ видимому и слышимому на сценѣ. Какъ развертывается процессъ моего подражанія? Очевидно, мнѣ приходится присматриваться къ гримировкѣ актера, его одеждѣ, движеніямъ, обстановкѣ,

¹⁾ Законы подражанія. Пер. съ франц. Спб. 1892 г. Гл. VI. Стр. 194—240 и слѣд.

прислушиваться къ тону голоса, къ рѣчи, наблюдать отношенія къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ. Мало по малу изъ множества отдѣльныхъ наблюдений, воспріятій, пониманій у меня составитя въ концѣ концовъ духовный обликъ лица, изображаемаго актеромъ, опредѣлится его характеръ, выяснятся намѣренія и планы; мало по малу изъ за наружности мнѣ покажется и обрисуетя душа дѣйствующаго лица. Но прежде, чѣмъ я дойду до этого цѣлостнаго пониманія души лица, я могу увлечься отдѣльными движеніями и поступками его, его манерой говорить, вставать, ходить, кланяться, одѣваться, жестикулировать и пр. и имъ подражать. Такъ обыкновенно и бываетъ во всякомъ подражаніи и иначе и быть не можетъ. Наше подражаніе развивается отъ внѣшняго къ внутреннему и отъ отдѣльнаго, частнаго, безсвязнаго къ единому, цѣлому, идейному. Подражаніе не можетъ развиваться въ направленіи отъ идеи къ ея выраженію и отъ цѣли къ средству, потому что ни идея, ни цѣль не бываютъ даны для нашего наблюденія, онѣ нами выводятся, постигаются на основаніи извѣстныхъ фактовъ; эти то факты и составляютъ первоначальные образцы нашего наблюденія и подражанія. Очень многіе не доходятъ до постиженія идей, фактовъ и цѣлей данныхъ средствъ, останавливаясь на фактахъ и средствахъ самихъ по себѣ и подражая имъ. Можетъ ли дитя подражать какому либо чисто внѣшнему факту, не имѣющему никакого внутренняго значенія, напримеръ, движенію дерева подъ вліяніемъ вѣтра? Несомнѣнно, можетъ. Тардъ спрашиваетъ: что быстрѣе распространяется — обряды или догматы? — и отвѣчаетъ: догматы. Отсюда, прибавляетъ онъ, тотъ общій фактъ, что древніе обряды сохраняются въ новыхъ религіяхъ.

Вмѣсто голословныхъ общихъ утвержденій гораздо лучше обратить вниманіе на какой-либо отдѣльный фактъ соответствующаго рода. Какъ христіанство было усвоено нами, русскими, и какъ оно усвоится теперь нашими инородцами, — какъ рядъ новыхъ обрядовъ или какъ собраніе новыхъ догматовъ? Утверждать, что сначала были усвоены догматы, а

потомъ обряды, значить идти наперекоръ всѣмъ извѣстной исторической истинѣ. Въ такомъ походѣ толку мало.

Мы не можемъ обсуждать здѣсь долѣе доводы, приводимые Тардомъ въ подтвержденіе указаннаго имъ порядка развитія подражаній, какъ явленій социологическихъ; насколько же Тардъ касается подражаній, какъ явленій собственно психологическихъ, то его соображенія о развитіи подражательности отъ внутренняго къ внѣшнему заключаются въ слѣдующемъ.

Дѣти понимаютъ то, что имъ говорятъ, много раньше, чѣмъ сами будутъ въ состояніи говорить о тѣхъ же предметахъ. Какимъ образомъ это могло бы случиться, если бы у нихъ подражаніе не шло отъ внутренняго къ внѣшнему? Если слушающій рѣчь ограничивается повтореніемъ звуковъ, не придавая имъ надлежащаго смысла, то непонятно, какимъ образомъ такое поверхностное и механическое отраженіе звука можетъ привести къ уразумѣнію значенія, придаваемого звуку говорящимъ. Необходимо допустить, что смыслъ передается вмѣстѣ съ звукомъ какимъ-либо инымъ путемъ, и что лицо слушающее усвоитъ смыслъ рѣчи прежде, чѣмъ воспроизводитъ звукъ.

Въ такихъ разсужденіяхъ весьма явственно замѣтенъ недостатокъ живого наблюденія надъ дѣтьми и, въ частности, отсутствіе наблюденій надъ развитіемъ дѣтской рѣчи. Фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, состоитъ въ частомъ заминаніи и повтореніи дѣтьми словъ, съ которыми они не соединяютъ никакого смысла, которыя нравятся имъ и повторяются ими просто какъ звуки. Такимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ подражаніе является исключительно внѣшнимъ. И самъ Тардъ вынужденъ былъ допустить, хотя и въ примѣчаніи, а не въ текстѣ книги, что иногда перенимается только наружность, а не внутреннее свойство образца. Но, признавъ фактъ чисто внѣшняго подражанія, Тардъ счелъ нужнымъ сопроводить его совершенно невѣрнымъ замѣчаніемъ, именно что начинающіе съ наружнаго подражанія, каковы, по его мнѣнію, женщины и дѣти, на

этомъ и останавливаются, тогда какъ отъ внутренняго подражанія переходятъ къ другому. На самомъ дѣлѣ нерѣдко приходится наблюдать, какъ дѣти, запомнивъ сначала безъ смысла какое-либо слово, повторяя его по подражанію, въ видѣ ряда звуковъ, позднѣе научаются соединять съ нимъ опредѣленный смыслъ и значеніе. Подражая процессу куренія, представляясь курящими изъ пустой трубки, изъ палочки и даже изъ пальца, дѣти позднѣе, по подражанію же, начинаютъ курить и вправду. Подобные факты многочисленны и разнообразны.

Что касается пониманія дѣтьми членораздѣльной рѣчи до начала собственнаго говора, то для объясненія этого факта рѣшительно нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ предположенію о раннѣйшемъ усвоеніи дѣтьми внутренняго по сравненію съ внѣшнимъ. Не нужно забывать, что членораздѣльному языку предшествуетъ языкъ жестовъ, и что затѣмъ оба эти языка существуютъ и развиваются совмѣстно. Членораздѣльную рѣчь мы понимаемъ не только по словамъ, но въ значительной мѣрѣ и по жестамъ, сопровождающимъ слова. Не умѣющее говорить дитя понимаетъ слова по жестамъ, мимикѣ, по тону голоса, по положенію всей фигуры говорящаго. Нѣкоторыя изъ мимическихъ выраженій наследственны, напримѣръ, выраженія страха, гнѣва, печали, радости и др., поэтому дитя, видя такія выраженія и подражая имъ, необходимо возбуждаетъ въ себѣ и соответствующія душевныя состоянія. Смыслъ другихъ жестовъ, тѣлодвиженій, тоновъ голоса дитя узнаетъ чисто опытнымъ путемъ, постоянно исходя отъ усвоенія внѣшняго и только постепенно добираясь до внутренняго смысла и значенія. Поэтому предполагать какой-то особенный путь для объясненія пониманія дѣтьми нѣкоторыхъ словъ прежде произношенія ихъ нѣтъ никакой нужды. Не къ чему гнаться за хитрымъ и таинственнымъ объясненіемъ, когда налицо есть простое и совершенно удовлетворительное.

Къ утвержденію, что въ человѣческихъ обществахъ сначала усваивается съ величайшею точностью внутренняя, интим-

ная сторона извѣстнаго образца, представленія, желанія и затѣмъ уже, съ меньшею точностію, схватываются и отражаются внѣшнія стороны, жесты, движенія, позы, Тардъ присоединяетъ еще замѣчаніе, что среди стадныхъ животныхъ наблюдается обратное явленіе: здѣсь сколько-нибудь определенное подражаніе можетъ совершаться лишь путемъ воспроизведенія пѣнія, криковъ, движеній; передача же нервныхъ процессовъ, идей и желаній носитъ всегда неопределенный, расплывчатый характеръ. Такимъ образомъ люди и животныя въ дѣлѣ подражанія оказываются совершенно противоположными существами: людямъ свойственно сразу проникать въ корень вещей, въ психику, животныя же должны идти отъ внѣшняго къ внутреннему. Какъ ни лестно такое превосходство надъ животными, но оно совершенно не согласно съ данными психологіи дитяти и мало понятно само по себѣ. Душа другого открыта для насъ настолько, насколько она обнаруживается вовнѣ, и насколько мы понимаемъ эти обнаруженія. Иного пути проникнуть въ челоуѣческую душу нѣтъ, и если мы не пользуемся этимъ путемъ, то она для насъ полныя потемки, подражать ея дѣйствіямъ мы не въ состояніи. А слѣдовательно подражательность по необходимости развивается не изнутри кнаружи и отъ цѣлей къ средствамъ, а въ обратномъ направленіи и притомъ отъ отдѣльнаго и безсвязнаго къ связному и цѣлому.

Второй путь развитія подражательности, указываемый Тардомъ,—отъ высшаго къ низшему,—въ значительной степени намѣченъ правильно, особенно въ примѣненіи къ общественнымъ подражаніямъ. Въ общественной жизни очень часто высшіе классы служатъ образцами для подражанія низшимъ. Дворъ Людовика XIV для дворовъ маленькихъ нѣмецкихъ государей, королевскіе и царскіе дворы для придворныхъ и аристократіи, богатые граждане для бѣдныхъ, города для деревень, барыни для горничныхъ служатъ образцами подражанія, преимущественно внѣшняго: платью, манерамъ, поклонамъ, образу и обстановкѣ жизни, отчасти

рѣчи. Собственно въ дѣтской жизни этотъ путь развитія подражательности выражается широкою подражательностью дѣтей родителямъ и старшимъ родственникамъ, которые играютъ по отношенію къ дѣтямъ роль высшаго класса. Но и этотъ, вѣрно намѣченный, путь развитія подражательности требуетъ нѣкотораго исправленія и расширенія.

Высшій классъ служитъ образцомъ для подражаній низшимъ классамъ, главнымъ образомъ, въ матеріальной культурѣ и внѣшнемъ образѣ и обстановкѣ жизни. Но кромѣ предметовъ матеріальной культуры образцами для подражанія служатъ еще факты духовной культуры—идеи, вѣрованія, взгляды, чувствованія. Эпидеміи среднихъ вѣковъ и новаго времени имѣли предметомъ идеи и вѣрованія, а не внѣшнюю культуру, и лица, впервые создававшія эпидемію, обыкновенно не принадлежали къ высшимъ классамъ въ обществѣ. Новыя религіи, новыя открытія и изобрѣтенія, новые взгляды зарождаются обыкновенно совсѣмъ не въ высшихъ общественныхъ классахъ, бѣдные еврейскіе рыбаки своимъ ученіемъ завоевали дворцы цезарей. Къ этому нужно еще прибавить, что у дѣтей, да и у взрослыхъ, очень сильно развито направленіе подражательности отъ равнаго къ равному, отъ одного человѣка или сословія къ такому же человѣку или сословію. Дѣти, во многомъ подражая родителямъ и взрослымъ, еще больше подражаютъ другъ другу; а у взрослыхъ крестьяне охотно подражаютъ крестьянамъ же, ремесленники—ремесленникамъ, горожане—горожанамъ и т. д., подражаютъ не менѣе, а пожалуй и болѣе, чѣмъ высшимъ классамъ. Во всякомъ случаѣ это направленіе въ развитіи подражательности—отъ равнаго къ равному—не менѣе распространено, чѣмъ отъ высшаго къ низшему.

Такъ какъ первоначальное направленіе подражательности есть направленіе отъ внѣшняго къ внутреннему, то возникаетъ вопросъ: каково ея направленіе, какъ скоро она становится внутреннимъ фактомъ? На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ указанныя выше условія развитія подражательности.

Чтобы намѣренно подражать, нужно вполне понять состояніе другого, совершенно отчетливо и живо представлять его, какъ бы переживать его. Кто служитъ образцомъ подражанія: высшій ли, равный или, можетъ быть, низшій, рабъ для господина—это безразлично. Важно внутреннее духовное сродство между подражателемъ и образцомъ, общія точки соприкосновенія между тѣмъ и другимъ, такъ чтобы идеи, стремленія и вообще душевная жизнь одного была совершенно ясна и понятна другому. Поэтому ходъ подражательности, какъ внутренняго явленія, можно изобразить не формулой: отъ высшаго къ низшему, а такими выраженіями, какъ отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному, отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ простаго къ сложному. Когда явленіе слишкомъ ново, трудно, сложно, когда оно вообще мало понятно для наблюдателя, тогда оно не вызоветъ подражанія, хотя и можетъ возбудить любопытство. Оно дастъ наблюдателю слишкомъ мало живой дѣятельной силы, чтобы вызвать въ немъ всѣ тѣ органическія перемѣны, которыя совершаются въ образцѣ, оно будетъ не въ состояніи воплотиться надлежащимъ образомъ въ наблюдателѣ, а потому замретъ, не выразившись подражаніемъ. Если же оно въ достаточной мѣрѣ понятно, просто, отчетливо для наблюдателя, то оно будетъ жить въ немъ и обнаружится подражательными движеніями. И дѣти, и взрослые на каждомъ шагу осуществляютъ этотъ основной законъ подражательности. Но, конечно, въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить, что извѣстно, легко, просто и что сложно, далеко отъ наблюдающаго лица, ему малопонятно—трудно, такъ какъ явленіе будетъ обуславливаться многими причинами. Въ одно время было очень легкимъ и простымъ дѣломъ увлечься къ участію въ крестовомъ походѣ, въ другое — сожиганіемъ вѣдьмъ, въ третье — столоверченіемъ и т. п. То, что для насъ очень трудно, таинственно, мало доступно, то въ прежнія времена было совершенно ясно, просто, понятно, и наоборотъ. Состояніе просвѣщенія, господствующія идеи и вѣрованія, личныя свойства отдѣльныхъ подражателей существенно

влияютъ на опредѣленіе простаго и сложнаго, легкаго и труднаго, извѣстнаго и неизвѣстнаго. Но внутренняя подражательность, при всѣхъ измѣненіяхъ въ пониманіи легкаго и труднаго, всегда удерживаетъ ей свойственный путь—развиваться отъ простаго къ сложному, отъ вполне доступнаго къ менѣе доступному. Начать сразу съ сложнаго, а потомъ перейти къ простому подражательность точно такъ же не можетъ, какъ и начинать съ внутренняго, съ цѣли, а потомъ переходить къ внѣшнему, наружному, средствамъ. Это противорѣчило бы и общему ходу развитія душевной жизни.

VI.

Отдѣльные виды подражательности.—Физическая подражательность.

Въ основу явленій подражательности слѣдуетъ поставить физическую подражательность въ животномъ мірѣ. Факты ея общеизвѣстны: въ природѣ существуетъ гармонія между окраской животнаго и цвѣтомъ обитаемой имъ мѣстности. Внѣшняя окраска животныхъ приспособляется къ условіямъ ихъ жизни. Поэтому арктическія животныя бѣлаго цвѣта, живущія въ пустыняхъ — песочнаго, тѣ, которыя живутъ среди листьевъ и травы, окрашены въ зеленый цвѣтъ, а ночныя животныя—въ темный. Одинъ знатокъ орнитологіи Сѣверной Африки говоритъ, что въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни хворостняку, ни даже волнообразной поверхности, гдѣ ничто не даетъ ни малѣйшей защиты отъ враговъ, видоизмѣненіе окраски подъ цвѣтъ окружающей мѣстности оказывается положительно необходимымъ. Встрѣчаются насѣкомыя, которыя по формѣ и окраскѣ въ точности походятъ на особенные какіе-нибудь листья, или на покрытые мхомъ сучья, или на цвѣты. Нѣкоторые виды насѣкомыхъ такъ прямо и прозываются „ходящими листками“, „ходячими сучками“, за ихъ диковинное сходство съ листьями и сучками. У „ходячихъ сучковъ“ вся окраска, форма, морщиноватость, устройство головы, ножекъ, усиковъ дѣлаютъ

ихъ совершенно похожими на высохшіе сучья. Они свободно висятъ въ лѣсу вокругъ кустовъ и имѣють странную привычку несимметрично вытягивать свои ножки, какъ будто для того, чтобы произвести болѣе полный обманъ. Замѣчательные примѣры подражательности встрѣчаются не только между насѣкомыми, но и между змѣями, птицами, млекопитающими, причемъ одни копируютъ другихъ, безвредныя — ядовитыхъ, подвергающіяся нападеніямъ враговъ — неподвергающихся нападеніямъ (по острому неприятному запаху и другимъ свойствамъ). Подражаніе бываетъ такъ точно, такъ хорошо, что одинъ опытный энтомологъ помѣстилъ сверчка-подражателя въ своемъ кабинетѣ въ отдѣлѣ жуковъ, которымъ сверчокъ подражалъ, и въ теченіе долгаго времени ученый не могъ замѣтить своей ошибки ¹⁾).

У людей такой физической подражательности нѣтъ, цвѣтъ ихъ лица, фигура, органы ихъ тѣла не измѣняются подражательностью примѣнительно къ той почвѣ, на которой живетъ то или другое племя; но у людей мы замѣчаемъ явленіе, подобное физической подражательности животныхъ, именно приспособляемость къ странѣ, ея свойствамъ и условіямъ существованія въ ней.

Какъ скоро кучка людей поселится въ какой-либо странѣ, она сейчасъ же должна начать процессъ приспособленія къ даннымъ свойствамъ этой страны. Если нужно жить въ извѣстной странѣ, то необходимо примѣняться къ ея условіямъ, подчиняться ея особенностямъ; иначе нужно или уходить изъ страны, или умирать. Правда, возможенъ еще одинъ исходъ — подчиненіе страны потребностямъ людей, измѣненіе ея свойствъ и условій существованія въ ней примѣнительно къ нуждамъ человѣка. Но этотъ послѣдній исходъ возможенъ лишь при высокой культурѣ, когда человѣкъ, располагая разнообразными и могучими орудіями и средствами цивилизаціи, въ состояніи, съ надеждой на успѣхъ, вступить

¹⁾ Уоллесъ, „Теорія естественнаго подбора“. Пер. съ англ. Спб. 1878 г. Гл. III.

въ борьбу съ природой. Первоначально же человѣку ничего болѣе не остается, какъ приспособляться къ странѣ, въ которой онъ живетъ, или бѣжать изъ нея, или умирать. Не имѣя возможности бѣжать и не желая умереть, человѣкъ приспособляется.

Въ процессѣ приспособленія человѣка къ свойствамъ населяемой имъ страны видную роль играютъ психическіе факторы: соображеніе, опытъ, проверка полученныхъ результатовъ. Но и физическую подражательность животныхъ нельзя всецѣло относить къ влиянію пищи и окружающей обстановки и думать, что она чисто физически и невольно, помимо всякихъ психическихъ процессовъ, создается сама собой. Извѣстныя одинаковыя условія жизни должны оказывать свое дѣйствіе на всѣ группы животныхъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности; между тѣмъ физическая подражательность замѣчается лишь въ нѣкоторыхъ видахъ животныхъ, водящихся въ данной мѣстности, а не во всѣхъ, причемъ замѣчается еще тотъ фактъ, что виды, усвоивающіе себѣ наружность другихъ, малочисленны, тогда какъ тѣ, которымъ уподобляются другіе, многочисленны. У насѣкомыхъ наблюдается и такой любопытный фактъ, что подражательное усвоеніе наружности гораздо чаще бываетъ у самокъ, чѣмъ у самцовъ. Самки, на обязанности которыхъ лежитъ вывести дѣтенышей, болѣе нуждаются въ охранѣ и защитѣ, чѣмъ самцы, а потому и потребность прибѣгать ко всякимъ средствамъ для обезпеченія себя отъ враговъ чаще встрѣчается у самокъ, чѣмъ у самцовъ. Поэтому вообще самки бываютъ окрашены темнѣе самцовъ.

Такимъ образомъ въ физической подражательности животныхъ оказываются замѣшанными психическіе элементы, темныя неясныя соображенія о пользѣ извѣстныхъ подражательныхъ дѣйствій. И у человѣка процессъ приспособленія не всегда совершается съ полною намѣренностью и даже съ отчетливою сознательностью.

Другое сходство между физической подражательностью животныхъ и приспособляемостью человѣка состоитъ въ

томъ, что хотя приспособленіе сказывается больше на орудіяхъ, которыми человекъ пользуется, образъ жизни, одеждѣ и прочей внѣшней обстановкѣ, чѣмъ на самомъ физическомъ организмѣ человека, но приспособленіемъ все же затрогивается и самый организмъ. Когда измѣняются внѣшняя обстановка человека, его пища, одежда, образъ жизни, орудія защиты и нападенія, тогда неизбежно въ большей или меньшей степени терпитъ измѣненія и весь организмъ. Организмъ нельзя понимать какъ нѣчто совершенно обособленное отъ той среды, въ которой онъ развивается и живетъ; между средой и организмомъ существуютъ тѣсная связь и живое взаимодействие. Племена, населяющія различныя страны, имѣютъ нѣкоторыя особенности въ своей физической организаціи. Съ другой стороны, о физической раздражительности животныхъ слѣдуетъ замѣтить, что она не простираетъ своего вліянія на глубокія измѣненія организма, но бываетъ довольно поверхностной, касается главнымъ образомъ окраски и отчасти внѣшней формы нѣкоторыхъ наружныхъ органовъ. Это больше маскировка, чѣмъ настоящее сходство, и подражающія животныя являются какъ бы актерами, играющими только роли.

VII.

Дѣтская раздражительность.—Реальная раздражительность.

Дѣтская раздражительность въ своемъ развитіи проходитъ двѣ ступени: реальной раздражительности тому, что сейчасъ наблюдается, и идейной раздражительности тому, что только вспоминается, о чемъ мы слышали или прочитали. Кромѣ того слѣдуетъ отличать смѣшанный видъ подражаній, реально-идеальныхъ, который особенно замѣчается при общественной раздражительности и который развивается параллельно съ идейными подражаніями.

Внизу первой группы явленій лежатъ факты рефлексивной, мало сознательной, раздражительности, которой не предшествуютъ ни желаніе подражать, ни какая-либо подготовка

въ этомъ отношеніи, ни даже простое предварительное знакомство съ явленіемъ. Это моментальная подражательность, приходящая и уходящая вслѣдъ за извѣстнымъ впечатлѣніемъ, моментальное воспроизведеніе состоянія, вполне отвѣчающее полученному раздраженію. Тамъ, гдѣ находится много грудныхъ дѣтей, стоитъ заплакать одному ребенку, чтобы вслѣдъ за нимъ заплакали и другіе. Отчего они начинаютъ плакать? Причины плача перваго ребенка, зачинщика, легко могутъ быть открыты, но трудно объяснить причину плача всѣхъ прочихъ. Желанія плакать, до плача перваго ребенка, у нихъ не было; самаго факта плача они также не понимаютъ, хотя и плачутъ сами; желанія подражать у нихъ также не было, а между тѣмъ они подражаютъ. Ихъ ухо поражается извѣстными звуками, и въ отвѣтъ раздается сочувственный плачь. Грудныя дѣти, какъ будто, какіе резонаторы, съ буквальною точностью воспроизводяще подѣйствовавшее на нихъ раздраженіе.

Такая рефлексивная подражательность возникаетъ не только помимо желанія, но и противъ желанія. Видя зѣвающего, мы не хотѣли бы зѣвать, наше настроеніе нельзя назвать скучнымъ, но мы зѣваемъ невольно, не можемъ удержаться, какъ будто отъ зѣвающего человѣка какая-то зараза проникаетъ въ насъ и овладѣваетъ нами, покоряетъ насъ. Попавъ въ веселую компанію, мы смѣемся и сами не знаемъ чему; въ театрѣ мы начинаемъ иногда апплодировать, увлеченные примѣромъ другихъ, хотя вообще у насъ и нѣтъ обычая апплодировать; въ кричащей толпѣ мы невольно сами начинаемъ кричать. Такимъ образомъ самая низшая ступень подражательности есть подражательность рефлексивная, мало сознательная и мимовольная, не предшествуемая желаніемъ подражать. Какая-либо болѣе или менѣе сложная душевная дѣятельность въ такой подражательности отсутствуетъ, результаты предшествующаго психическаго опыта еще не присоединяются къ сейчасъ переживаемому душевному состоянію, послѣднее существуетъ само по себѣ, создаваемое исключительно сейчасъ дѣйствующимъ

щимъ впечатлѣніемъ. Указываемый видъ подражательности въ широкой мѣрѣ встрѣчается у маленькихъ дѣтей, особенно въ первый годъ ихъ жизни, но весьма замѣтенъ и во второй годъ и позднѣе.

Разсматривая ближе различныя формы рефлексивной подражательности, мы встрѣчаемъ прежде всего подражанія отдѣльнымъ звукамъ и движеніямъ. Самое первое и весьма слабое подражаніе намъ пришлось наблюдать на 56-й день жизни одной дѣвочки. Во время болтовни матери съ дѣвочкой, дитя пристально слѣдило за движеніями головы и губъ матери, само слегка кивало головой и шевелило губами, не произнося, однако, никакихъ звуковъ. Сѣлли сообщаетъ, что на 58-й день жизни его дитяти одна молодая дама нѣсколько разъ сказала ему: Guten Morgen. Дитя внимательно прислушивалось. Потомъ оно вытянуло и открыло губы, раздуло ноздри, глаза въ то же время сдѣлались большими и лицо покраснѣло. Было видно, что дитя находилось въ состояніи напряженія, какъ будто что-то хотѣло выдать изъ себя, и въ заключеніе громко и протяжно произнесло: guuu. Сейчасъ же послѣ этого дитя заснуло. Попытки вызвать тотъ же подражательный звукъ въ ближайшія недѣли послѣ перваго подражанія остались безуспѣшными. Пѣре замѣчаетъ, что подражанія звукамъ, именно рояля, начинаются также со второго мѣсяца жизни дитяти ¹⁾.

Развитіе реальной подражательности состоитъ въ томъ, что подражательность изъ рефлексивной и мимовольной становится сознательно-намѣренной, а наконецъ и систематичной. Если при началѣ жизни подражанія заключаются въ воспроизведеніи отдѣльныхъ звуковъ и движеній, то съ теченіемъ времени они превращаются въ копированіе цѣлыхъ

¹⁾ Perez, *Les trois premières années de l'enfant*. 3 edit. p. 102—108; Preyer, *Die Seele des Kindes*. 3 Aufl. 1890, s. 221. Явные начала подражанія Преферъ относитъ къ концу 15 недѣли. Компэйре полагаетъ, что въ первые четыре мѣсяца подражательный инстинктъ ничѣмъ не обнаруживается. Это, очевидно, ошибка.

сценъ и происшествій, въ воспроизведеніе желаній, сужденій, чувствованій и понятій окружающихъ дитя взрослыхъ, насколько вся эта психическая жизнь окружающихъ выражается вовнѣ, поддается непосредственному наблюденію. Вотъ нѣсколько пояснительныхъ фактовъ изъ нашихъ наблюденій надъ одной дѣвочкою.

Начало шестого мѣсяца. Когда разговариваютъ съ дѣвочкой, она внимательно смотритъ на говорящаго, на его ротъ, и дѣлаетъ параллельныя движенія своими губками, иногда открывая ротъ и придавая губамъ такое же положеніе, какое имѣютъ губы говорящаго. Точно также она иногда издаетъ отдѣльные звуки, похожіе на тѣ, которые она сейчасъ слышитъ отъ говорящаго лица.

Шестъ мѣсяцевъ съ половиной. Мать вертѣла предъ дѣвочкой своими руками на разные лады, сжимая и разжимая пальцы. Дѣвочка внимательно смотрѣла на эти движенія и ея свободная ручка—въ другой она держала чайную ложечку—также слегка поворачивалась справа налѣво, пальчики сжимались и разжимались на подобіе положенія рукъ и пальцевъ матери. Прекращала движенія руками мать, прекращала ихъ и дочь; мать возобновляла движенія, и дѣвочка возобновляла. Движенія дѣвочки были очень несовершенны, но несомнѣнно сходны съ движеніями матери и воспроизводили ея движенія.

Начало одиннадцатаго мѣсяца. Мать играла на рояли и пѣла. Дѣвочка долго смотрѣла на ноты и слушала пѣніе. Затѣмъ она, сидя передъ роялемъ, захватила ноты у матери, перетасила къ себѣ ближе, съ попитра на клавиши, стала ударять ручками по клавишамъ и кричать. Мать продолжала играть, и крики дѣвочки иногда были въ тонъ, а иногда не въ тонъ звукамъ рояля. Эти крики и были первымъ опытомъ пѣнія, а удары ручками по клавишамъ первой попыткой аккомпанимента. Подобные опыты пѣнія и игры повторялись много разъ.

Десятъ съ половиною мѣсяцевъ. Мать, нюхая саше, сказала дѣвочкѣ: на, понюхай. Дѣвочка нагнулась, приложила носъ

къ мѣшечку и втянула въ себя воздухъ. Дѣйствіе было повторено нѣсколько разъ.

Двадцатый мѣсяцъ. Видя, какъ мать причесываетъ волосы, дѣвочка беретъ гребенку въ руки, поднимаетъ ее къ головѣ и слегка скользитъ гребенкой по волосамъ. Очевидно, причесывается. Во время игры нарочно кашляетъ, въ видѣ шутки, на подобіе того, какъ кашляютъ играющіе съ ней взрослые.

Вотъ еще данныя о развитіи подражательности у одной дѣвочки 9—17 мѣсяцевъ ¹⁾. Всѣхъ случаевъ подражанія записано 90. Раньше всего и больше всего дѣвочка подражала движеніямъ рукъ (38 случаевъ), затѣмъ звукамъ (29 случаевъ—подражала крику гуся, индюка, возгласамъ разносчика, мычанью коровы, лаю собаки и пр.); подражаній движеніямъ лица (разнымъ гримасамъ, свистанію въ свистокъ, какъ папа курить и т. п.) было 8, движеніямъ туловища (притворно спитъ, для чего ложится, раскачивается изъ стороны въ сторону, низко кланяется) только 4. Изъ записанныхъ 90 подражаній 15 пришлось на долю картинокъ (въ такомъ родѣ: какъ дѣвочка плачетъ, спитъ, какъ ушиблась, какъ дѣти танцуютъ и пр.). Подражанія производились дѣвочкой или сразу при наблюденіи извѣстнаго явленія, или же не сразу. Подражаній было сразу 55, не сразу 35. Подражаній было:

сразу		не сразу	
движеніямъ . . .	18	движеніямъ . . .	25
звукамъ	18	звукамъ	7
положенію . . .	5	положенію . . .	1
картинкамъ (поло-		картинкамъ (поло-	
женію)	14	женію)	1

Приведенные факты показываютъ, какъ рано начинается подражательность у дѣтей и какъ непрерывно и часто она дѣйствуетъ, какъ она усиливается и совершенствуется, на-

¹⁾ Было сообщено въ одномъ изъ засѣданій «Родительскаго Кружка» въ Спб. П. К. Покровскимъ.

чинаясь весьма несовершеннымъ воспроизведеніемъ отдѣльныхъ движеній и звуковъ и переходя къ копированію цѣлыхъ сценокъ, какъ изъ мимовольной она становится намѣренной и систематичной. Оказывается, что съ перваго же года жизни весь организмъ находится во власти подражанія: голова, губы, аппаратъ рѣчи, глаза, руки, туловище, ноги—все подражаетъ на свой ладъ, больше или меньше. Съ теченіемъ времени склонность къ подражанію возрастаетъ, усиливается и превращается какъ бы въ своеобразную страсть. Какое значеніе въ жизни и развитіи человѣка имѣетъ это обиліе подражательныхъ дѣйствій?

Еслибы подражательныя дѣйствія были просто движеніями безъ всякаго дальнѣйшаго психическаго содержанія, чѣмъ-то исключительно внѣшнимъ, только дѣятельностію двигательныхъ нервныхъ центровъ, нервовъ и мускуловъ, и тогда они имѣли бы значеніе, давая направленіе, тонъ, создавая образъ дѣятельности и отдѣльные навыки въ такой важной системѣ человѣческаго организма, какова двигательная. Но движенія обыкновенно бываютъ соединены съ опредѣленнымъ психическимъ содержаніемъ, въ нихъ сказывается душа человѣческая, характеръ лица, особенный складъ его чувствованій, въ движеніяхъ отображается вся психика человека. У человека умнаго и человека тупого, у рѣшительнаго и безхарактернаго, у альтруиста и эгоиста—и движенія, и выраженіе всей фигуры, и голосъ, и рѣчь неодинаковы. Печаль и радость, гнѣвъ и страхъ, общій благородный и открытый характеръ человека или низкая пронирливая душа, спокойствіе и ровность или порывистость и страстность и многія другія свойства и состоянія человека опредѣленно выражаются и въ мимикѣ лица, и въ движеніяхъ, и во всей осанкѣ человека. Если мы тщательно и всесторонне будемъ воспроизводить мимику гнѣва, то замѣтимъ, что въ насъ понемногу разгорается гнѣвъ; одно изъ средствъ къ утишенію гнѣва—прекращеніе движеній, въ которыхъ выражается гнѣвъ. Актеръ, одѣвшись въ платье, соотвѣтствующее роли, окруживъ себя подходящей обстановкой и во всей

внѣшности подражая характеру и свойствамъ изображаемаго лица, кончаетъ нерѣдко тѣмъ, что увлекается, забываетъ свое я и на нѣкоторое время превращается въ другое лицо.

Подражая тѣмъ или другимъ движеніямъ, дитя невольно будить въ себѣ движеніями соотвѣтствующія душевныя состоянія, создаетъ ихъ; оно незамѣтно съ движеніями всасываетъ мысли и чувства, составляющія содержаніе движеній. Окружите дитя на первомъ году его жизни грубыми, суровыми лицами, говорящими грубымъ голосомъ, допускающими въ присутствіи дитяти ссоры и брань, не стѣсняющимися въ движеніяхъ — дитя, конечно, не пойметъ смысла отдѣльныхъ, совершающихся предъ нимъ, фактовъ, но общій тонъ обстановки отразится на немъ, оно будетъ подражать и выраженію лицъ, и звуку голосовъ, и тѣлодвиженіямъ, и все это невольно будетъ будить въ немъ грубыя чувствованія, правда, сначала очень неясныя и неопредѣленныя, но потомъ выясняющіяся и опредѣляющіяся подъ вліяніемъ той же среды. Заразить дитя трусостію, гнѣвливостію, нетерпѣливостію очень легко. По совершенно справедливому замѣчанію одной писательницы (г-жи Еджевортъ), кормилица имѣетъ вліяніе на расположеніе духа человѣка на всю его жизнь. Младенцы необыкновенно способны перенимать мимику и движенія и участвовать въ впечатлѣніяхъ, причины которыхъ имъ непонятны. Физиономія говоритъ имъ сильнѣе, чѣмъ слово. Можно вселить и укрѣпить въ дитяти дружелюбныя, кроткія, веселыя чувствованія, окружая его веселыми лицами, выраженіями кротости и благорасположенія. Поэтому едва ли цѣлесообразно, по замѣчанію г-жи Неккеръ-де-Соссюръ, сердиться на дѣтей или въ присутствіи дѣтей лѣтъ до трехъ, четырехъ. Свидѣтель вашего гнѣва, дитя будетъ подражать вашему примѣру и бранить васъ точно такъ же, какъ вы его браните. Подражательность въ немъ сильнѣе страха, и мы больше представляемся дѣтямъ образцами подражанія, чѣмъ предметами ужаса.

Какъ глубоко и сильно отражается подражательность на чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ дитяти, какъ рано дѣти пере-нимаютъ всякаго рода манеры, привычки, характерныя особен-ности окружающихъ ихъ лицъ, за это достаточно сви-дѣтельствуяютъ слѣдующіе факты.

Девятимѣсячный ребенокъ весело игралъ на колѣняхъ матери, когда въ комнату вошла женщина съ лицомъ, выражавшимъ тихую, но глубокую грусть. Вниманіе ребенка тотчасъ устремилось на нее. Ребенокъ знаетъ женщину прежде, но особенной любви къ ней не питалъ. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ печальнаго лица женщины, черты ребенка стали искажаться, игрушки выпали изъ рукъ, и, наконецъ, онъ съ плачемъ бросился на грудь матери ¹⁾.

Другой ребенокъ, имѣя около полугода, прямо отражалъ настроеніе окружающихъ, плакалъ или смѣялся, смотря по тому, плакали или смѣялись около него ²⁾. Одна маленькая дѣвочка съ 15 мѣсяцевъ стала замѣтно подражать манерамъ отца, усвоила отъ него нахмуриваніе бровей, его привычку легко раздражаться, тонъ его крикливаго голоса, а затѣмъ и разныя формулы, выражающія нетерпѣніе или гнѣвъ. Въ три года она, въ спорѣ съ посѣтителемъ, переважно говорила ему на отцовскій манеръ: „помолчи однако, ты никогда не даешь окончить мнѣ моей фразы“ ³⁾.

Разсмотрѣнная группа реальныхъ подражаній, или по непосредственному наблюденію, за все время своей формировки находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и искусства управлять органами тѣла, а равно съ развитіемъ наблюдательности и сообразительности. Подражательность дѣтей на первыхъ порахъ значительно затрудняется тѣмъ, что дѣти не умѣютъ хорошенько смотрѣть, слушать, управлять своими руками, ногами, туловищемъ, головой, не умѣютъ надлежащимъ образомъ наблюдать. Реальная по-

¹⁾ Неккеръ-де-Соссюръ, Постепенное воспитаніе. Пер. съ франц. Москва, 1865 г. Стр. 186.

²⁾ Сообщено въ Спб. Родительскомъ Кружкѣ П. А. Литвинскимъ

³⁾ Perez, см. выше.

дражательность заключается въ воспроизведеніи того, что сейчасъ наблюдается. Если поэтому дитя чего-нибудь не доглядѣло и не дослышало, если оно не совсѣмъ хорошо еще владѣетъ своими руками и ногами, а между тѣмъ имито и нужно совершать подражательныя дѣйствія, то, понятно, его подражаніе будетъ очень несовершеннымъ, какимъ оно и бываетъ въ первые мѣсяцы жизни, усовершенствуется же параллельно съ общимъ развитіемъ дитяти, и въ частности его органовъ внѣшнихъ чувствъ, наблюдательности и умѣнья управлять своимъ тѣломъ.

Развитіе сообразительности особенно требуется для послѣдней категоріи подражательныхъ дѣйствій—для воспроизведенія цѣлыхъ сценокъ, намѣреній, взглядовъ, сужденій лицъ. Систематическое воспроизведеніе цѣлыхъ сценъ предполагаетъ пониманіе связи отдѣльныхъ моментовъ и справедливую оцѣнку каждаго момента въ отдѣльности; подражаніе намѣреніямъ, сужденіямъ, взглядамъ, а равно и разнымъ шутовскія и насмѣшливыя подражанія также предполагаютъ умѣнье открыть идею въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ дѣйствій, схватить комическую черту извѣстнаго лица и явленія.

На основаніи приведенныхъ фактовъ и соображеній можно утверждать, что мы начинаемъ воспитывать дѣтей гораздо раньше, чѣмъ предполагаемъ, и воспитываемъ гораздо глубже, чѣмъ думаемъ, окружая дитя извѣстными лицами, давая возможность дѣтямъ часто видѣть извѣстную мимику и жесты, часто слышать извѣстные голоса и рѣчи. Дитя всему этому подражаетъ. А подражательность одинаково простирается какъ на хорошее, такъ и на дурное. При неустойчивости дѣтскаго организма, при мягкости дѣтской натуры, при сильномъ строительномъ, пластическомъ процессѣ, переживаемомъ дитятей въ первые годы жизни, подражательность является громадной формирующей и направляющей силой, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Въ виду такого большого значенія подражательности необходимо нѣсколько ограничить пред-

полагаемое вліяніе на развитіе человѣка наслѣдственности. Теперь все на нее сваливаютъ. Почему дитя такъ значительно походитъ на родителей, почему интеллигентное дитя много разнится отъ неинтеллигентнаго, французское отъ нѣмецкаго? Причина этого, конечно, прежде всего заключается въ унаслѣдованіи извѣстныхъ свойствъ; но важно и подражаніе, которое обыкновенно забывается, и дѣйствія котораго ставятся на счетъ наслѣдственности. То, что признается обыкновенно за дѣйствіе одной наслѣдственности, на самомъ дѣлѣ есть результатъ дѣйствія двухъ причинъ: наслѣдственности и подражательности. Каждой причинѣ, каждому фактору нужно отдать то, что ему принадлежитъ.

VIII.

Идейная подражательность.

Съ развитіемъ душевной жизни, въ сознаніи дитяти осаждаются результаты его психической опытности, которые соединяются съ сейчасъ переживаемыми душевными состояніями и измѣняютъ ихъ. Вслѣдствіе закрѣпленія предшествовавшаго опыта въ памяти, подражанія начинаютъ совершаться не всегда непосредственно за фактомъ, служащимъ примѣромъ для подражанія, но нѣкоторое время послѣ него. При реальной подражательности, она непосредственно слѣдуетъ за самымъ фактомъ. Память въ то время была еще сравнительно слаба, полученныя впечатлѣнія быстро исчезали, такъ что часто подражаніе должно было или сейчасъ же совершиться вслѣдъ за фактомъ-образцомъ, или же совсѣмъ не могло совершиться, особенно если образецъ былъ сложный и подражательное дѣйствіе сразу было не по силамъ подражателю. Какъ же скоро въ дитяти крѣпла память и накоплялся опытъ, у него, по поводу переживаемаго факта, возникалъ болѣе или менѣе длинный и сложный процессъ воспроизведенія соотвѣтственной части пережитаго опыта, сопоставленіе прежняго съ настоящимъ, мысль о

средствахъ для выполненія подражанія и подобныя размышленія. Такимъ образомъ между фактомъ, которому дитя подражало, и самымъ актомъ подражанія, могъ протекать большій или меньшій промежутокъ времени, и самый процессъ подражанія могъ отлагаться на нѣкоторое время, постепенно удлинявшееся вмѣстѣ съ развитіемъ душевной жизни. Возможность подражать такимъ фактамъ, которые совершились не сейчасъ, но въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, значительно расширяетъ предѣлы подражательности, включая въ ея область не только настоящее, но и прошлое.

Наблюдать новую эпоху въ развитіи дѣтской подражательности очень легко. Наступленіе ея выражается тѣмъ, что дѣти начинаютъ долго носиться съ предметами подражанія, отыскиваютъ средства для лучшаго выполненія подражанія, совѣтуются со старшими, рассказываютъ имъ свои планы такъ подробно и такъ часто, что всѣмъ надоѣдаютъ. Фактъ, составляющій предметъ подражанія, давно совершился, канулъ въ вѣчность, но дѣти все еще съ нимъ носятя, отыскиваютъ средства возможно точнаго его воспроизведенія. Въ городъ пріѣзжали странствующие фокусники и акробаты, на представленіи которыхъ дитя присутствовало. Оно поразилось нѣкоторыми фокусами и упражненіями акробатовъ и, по возвращеніи домой, на другой день, въ теченіе недѣли, мѣсяца и больше пытается подражать ихъ фокусамъ и замысловатымъ движеніямъ, старается устроить себѣ подходящую обстановку, упражняется въ физической ловкости, между тѣмъ какъ странствующая труппа давнымъ давно перекочевала въ другой городъ.

Какъ скоро между фактомъ, служащимъ предметомъ подражанія, и самымъ подражаніемъ протекаетъ нѣкоторое время, это значить, что подражаніе бываетъ уже не самому факту, а его образу, сохранившемуся въ памяти. Въ обширномъ смыслѣ слова такое подражаніе есть идейное подражаніе. Преувеличить весьма крупное значеніе такой перемены въ развитіи подражательности трудно. Прежде подра-

жительность ограничивалась областью наличныхъ, сеічасъ наблюдаемыхъ, фактовъ, а теперь она переходитъ и на безконечно широкій міръ представленій. Оковы наличной дѣйствительности сбрасываются, міръ фактической и міръ идеальной становятся равно доступными подражательности. Конечно, подражательность не вдругъ переходитъ на идеальный міръ, а лишь постепенно захватываетъ его. Въ развитіи подобной подражательности можно различать три слѣдующія ступени: 1) подражанія образамъ событій и лицъ, дѣйствительно бывшихъ и наблюдавшихся; 2) подражанія книжнымъ героямъ и подвигамъ и вообще болѣе или менѣе художественнымъ произведеніемъ творчества и 3) подражанія усвоеннымъ изъ различныхъ источниковъ—книгъ, словъ другихъ—идеямъ. Разсмотримъ по порядку эти ступени подражательности.

Подражаніе по памяти дѣйствительно видѣннымъ лицамъ и непосредственно наблюдавшимся происшествіямъ очень часто происходитъ вслѣдствіе сложности явленій. Мы уже знаемъ, что самыя элементарныя подражанія отдѣльнымъ движеніямъ и звукамъ не всегда происходятъ сразу, иногда не удаются, а потому позднѣе повторяются. Чѣмъ сложнѣе предметъ подражанія, тѣмъ менѣе можетъ удасться его ментальное воспроизведеніе. Приходится обдумать дѣло, сообразить средства подражанія, представить самый процессъ его. А намѣренная и, тѣмъ болѣе, систематическая подражательность заключаетъ слѣдующіе моменты: 1) представленіе предмета подражанія и всей его обстановки, т. е. формы, величины предмета, мѣста, на которомъ произошло событіе, лицъ, бывшихъ при этомъ, и пр.; 2) представленіе того органа и тѣхъ орудій и средствъ, которыми и при помощи которыхъ должно быть произведено подражаніе и 3) наконецъ, представленіе самого подражательнаго движенія, его процесса, начала, середины и конца, со всей его обстановкой. Такая сложная дѣятельность, предполагающая не только хорошее наблюденіе, запоминаніе и сообразительность, но и запасаніе матеріала для подражанія, изысканіе средствъ для

его осуществленія, естественно влечетъ замедленіе, откладываніе соотвѣтствующихъ поступковъ. Явленіе совершается и совершилось, а подражанія ему еще нѣтъ. Совершаясь по памяти, подражаніе, понятно, становится въ полную зависимость отъ памяти, отъ ея достоинствъ и недостатковъ. Чѣмъ слабѣе память, чѣмъ хуже она воспроизводитъ, тѣмъ не совершеннѣе будетъ и слѣдующее ей подражаніе. Хорошая, обширная, вѣрная память—богатая сокровищница матеріала для всякаго рода подражаній; память нетвердая, память узенькая дастъ мало матеріала для подражаній.

Въ подражаніяхъ по памяти, какъ и во всѣхъ другихъ подражаніяхъ, весьма важное дѣло будетъ составлять простота или сложность, а вмѣстѣ съ тѣмъ легкость или трудность примѣра для подражанія. Дѣти нерѣдко припоминаютъ такія обстоятельства, для воспроизведенія которыхъ у нихъ нѣтъ подходящихъ матеріаловъ, не хватаетъ нужной ловкости и т. п. Тогда подражаніе, встрѣтивъ подобныя препятствія, задерживается и нерѣдко совсѣмъ не осуществляется, не смотря на искреннія стремленія и самыя усердныя старанія дѣтей. И въ жизни народовъ такъ бываетъ, что народъ берется за подражаніе не по силамъ, за предметъ слишкомъ сложный и трудный. Некультурный народъ, заимствуя у высоко культурнаго народа его учрежденіе, не владѣетъ часто никакими средствами для насажденія его у себя, а потому и превращаетъ его въ чистѣйшую карикатуру, по которой трудно иногда и догадаться о подражаемомъ образцѣ.

Подражаніе книжнымъ героямъ и подвигамъ преимущественно свойственно отрочеству, какъ подражаніе по памяти дѣйствительно видѣнному и слышанному—дѣтству. Изъ книжныхъ героевъ и подвиговъ отроки наиболѣе часто и охотно подражаютъ замѣчательнымъ путешественникамъ, отважнымъ охотникамъ, силачамъ, претерпѣнію всякаго рода лишеній и физическихъ бѣдствій, словомъ больше увлекаются физическимъ героизмомъ, чѣмъ нравственнымъ. Кому не приходилось читать въ газетахъ извѣстій о томъ, какъ

какіе-нибудь 11—12-лѣтніе мальчики, увлекшись разказами Майнъ-Рида, Купера и подобныхъ писателей, рѣшились отправиться въ Америку, чтобы самимъ испытать приключенія, описанныя въ заманчивыхъ произведеніяхъ названныхъ авторовъ; какъ, тайкомъ, конечно, отъ родителей, они условились въ планѣ предпріятія, запаслись провіантомъ и деньгами и въ одно прекрасное утро, вмѣсто школы, укатили по желѣзной дорогѣ къ сѣверо-американскимъ дикарямъ; какъ они издержали всѣ деньги, обыкновенно очень небольшія, съѣли весь провіантъ, были высажены на какой-либо станціи и возвращены родителямъ, отѣхавъ отъ родного городишка нѣсколько станцій,—кто не слыхалъ о такихъ исторіяхъ? Если дѣтямъ, по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависящимъ, не удавалось уѣхать въ желаемую отдаленную страну, въ которой жилъ и дѣйствовалъ излюбленный ими книжный герой, то они старались, по крайней мѣрѣ, дома подражать его великимъ подвигамъ: воздвигали гдѣ-нибудь на задворкахъ шалашъ, вооружались луками, дубинами, ятаганами, и серьезнѣйшимъ образомъ парадировали дикихъ обитателей Сѣверной Америки.

Если прочитанная, увлекательная для дѣтей, книга трактуетъ о мирной жизни и дѣятельности, въ предѣлахъ окружающей природы и общественной среды, то она нерѣдко вызываетъ не меньшую подражательность, чѣмъ первая книга, изображавшая подвиги героевъ американскихъ территорій. Если въ книгѣ рассказано о ловлѣ птицъ, о замѣчательно хитромъ и отважномъ дѣянніи, если герой изображенъ своеобразно одѣтымъ, съ особенностями въ рѣчи, въ движеніяхъ, то между подростками всегда найдутся подражатели. Мальчикъ стремится подражать своему герою во всемъ: въ воззрѣніяхъ и сужденіяхъ, въ манерахъ, въ походкѣ, въ одеждѣ, въ языкѣ, въ отношеніяхъ къ людямъ; на его авторитетъ онъ постоянно ссылается, его имя призываетъ, часто всуе. Желая подражать книжнымъ героямъ и подвигамъ, дѣти не боятся лишеній, связанныхъ съ возможно точнымъ уподобленіемъ своему герою, они отказы-

ваются отъ нѣкоторыхъ удовольствій, удобствъ, перемѣняютъ образъ жизни, готовы бываютъ претерпѣть даже страданія. Жанъ-Жакъ Руссо въ своей „Исповѣди“ сообщаетъ, что онъ такъ увлекался подвигами героевъ Плутарха, что однажды попробовалъ сунуть свою руку въ огонь, желая подражать извѣстному римскому герою Муцію Сцеволю, который совершилъ изъ патріотизма этотъ подвигъ.

Подобныхъ фактовъ можно привести очень много. Они согласно свидѣтельству о томъ, что отроки весьма серьезно увлекаются подражаніемъ книжнымъ героямъ и подвигамъ, что они стараются копировать своихъ образцовъ во всемъ и, при осуществленіи своихъ намѣреній, принимаютъ самыя рискованныя рѣшенія, не боясь ни препятствій, ни лишеній. Подражаніе книжнымъ героямъ и подвигамъ есть весьма распространенный, часто встрѣчающійся въ отроческой жизни, фактъ; это не мимолетное явленіе, а характерное свойство отрочества ¹⁾.

Причины этого явленія различны. Объ одной мы уже говорили — именно о двигательной силѣ образовъ. Образы имѣютъ двоякое значеніе: теоретическое и дѣятельное, двигательное. Наименьшей двигательной силой владѣетъ какая-либо одна черта образа, одно его свойство, одна часть; большая двигательная сила принадлежитъ цѣлому образу, производящему и большее теоретическое впечатлѣніе; еще сильнѣе побуждаетъ къ движеніямъ совокупность образовъ, цѣлая картина, и еще сильнѣе рядъ картинъ, смѣняющихся не какъ пришлось, а въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что отъ ихъ смѣны получается одно гармоническое впечатлѣніе. Присутствовать при зрѣлищахъ, читать романы и рассказы,

¹⁾ Любопытный образчикъ подражанія цѣлой толпой подростковъ книжнымъ героямъ и подвигамъ представляетъ воспроизведеніе полочками кадетами повѣсти Габріеля Ферри „Лѣсной бродяга“ (изъ жизни американскихъ индѣйцевъ), подробно описанное въ ст. К. Пеллессаго подъ заглавіемъ „Чердачная исторія“ (Историческій Вѣстникъ 1891 г. сентябрь). Психологическій анализъ этого подражанія представленъ нами въ статьѣ „Воспитанія и Обученія“ 1893 г. №№ 4 и 5.

быть свидѣтелемъ различныхъ происшествій не значить быть только созерцателемъ, зеркаломъ, по которому скользятъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, не оставляя по себѣ никакого слѣда; всѣ эти факты затягиваютъ въ себя человѣка, какъ болота, невольно влекутъ его въ ту сторону, которая ими указывается, заставляютъ совершать соотвѣтствующія движенія. Люди экспансивные, мало способные задерживать въ себѣ различныя впечатлѣнія, обыкновенно отображаютъ ихъ сейчасъ же; при видѣ быстрыхъ, сильныхъ движеній, они сейчасъ же повторяютъ ихъ въ малыхъ размѣрахъ; при слушаніи разсказа имѣютъ соотвѣтственныя мимическія выраженія. Не всѣ такъ дѣлаютъ, многіе остаются, повидимому, спокойными и безстрастными при самыхъ поразительныхъ картинахъ. Это зависитъ отъ задерживающихъ подражательныхъ дѣйствій обстоятельствъ, въ родѣ соображеній о неудобствѣ подражательнаго дѣйствія въ данное время при данной обстановкѣ, нежеланія обнаружить свое настроеніе, желанія показать себя выше другихъ, увлекающихся зрѣлищемъ, и т. п. Многія подражательныя движенія проходятъ не замѣченными даже для довольно внимательныхъ наблюдателей.

Въ частности, сила подражанія книжнымъ героямъ и подвигамъ будетъ весьма много зависѣть отъ талантности книги. Чѣмъ лучше будетъ обрисованъ герой, чѣмъ живѣе будутъ пересказаны его дѣянія, чѣмъ ярче окажутся краски повѣствователя, чѣмъ стройнѣе, гармоничнѣе будетъ все его произведеніе, тѣмъ большей двигательной силой будетъ владѣть образъ героя, тѣмъ болѣе подражателей онъ найдетъ, тѣмъ точнѣе и въ тоже время смѣлѣе будутъ дѣйствія подражателей. Прекрасное, образцовое повѣствованіе можетъ вызвать много подражателей и подражаній; бездарное и неинтересное — ни одного, за полнымъ безсиліемъ, безжизненностью и расплывчатостью образовъ.

Наконецъ, нужно замѣтить, что отрочество такой возрастъ, когда особенно увлекаются подвигами богатырей, необычайныхъ смѣльчаковъ, отважныхъ путешественниковъ.

вообще больше героизмомъ физическимъ, чѣмъ духовнымъ. Если подросткамъ рассказывать о страданіяхъ, переживаемыхъ человѣкомъ въ стремленіи къ истинѣ; если имъ повѣствовать о мукахъ совѣсти при нарушении нравственнаго долга, о страданіяхъ при измѣнѣ убѣжденіямъ; если, словомъ, имъ изображать высшій духовный міръ человѣка съ его борьбою и страданіями, муки творчества и трудности осуществленія нравственныхъ идеаловъ въ жизни, то юные слушатели были бы задѣты мало. Изображаемое оказалось бы для нихъ слишкомъ высокимъ, непонятнымъ, оно не затрогивало бы струнъ ихъ сердца, не волновало бы умъ. Пора увлеченій истинными героями человѣчества для нихъ еще не пришла, культурные дѣятели, насадители и распространители знанія и гуманныхъ чувствованій, интересуютъ ихъ еще мало; для увлеченія дѣятелями науки, искусства, общественной придесть пора, будетъ свое время, но теперь оно еще не пришло. За то оно настало для пониманія физическаго героизма, для увлеченія подвигами славныхъ охотниковъ, великихъ завоевателей, необычайныхъ силачей. Непокосимое, сверхчеловѣческое мужество героя, или непопѣрная трусость и низость измѣнника не требуютъ многого для своего усвоенія. То обстоятельство, что для подражанія подвигамъ физическаго героизма нужны физическая дѣятельность, подвижность, физическое напряженіе, заготовленіе всякаго рода орудій, соотвѣтствующія одѣянія, усиливаетъ къ нимъ интересъ отроковъ, такъ какъ прямо отвѣчаетъ потребностямъ и свойствамъ этого возраста.

Въ подобномъ положеніи находятся всѣ вообще неразвитые умы, которымъ культура не привила иныхъ высшихъ потребностей. Какіе рассказы наиболѣе любитъ простой народъ, какія книжки читаетъ овладѣвшій грамотою крестьянинъ? Извѣстное дѣло, что Бовы Королевичи, Ерусланы Лазаревичи, Гуаки, страшныя сказки о вѣдьмахъ, о преслѣдованіяхъ, объ убійствахъ, сраженіяхъ пользовались и еще теперь пользуются большими симпатіями народа, равно какъ повѣствованія о мученикахъ, ихъ страданіяхъ, о подвигахъ,

ими совершенныхъ, о мукахъ, ими претерпѣнныхъ. Это физическое подвижничество, этотъ физическій героизмъ доступенъ и понятенъ народу, находятъ откликъ въ его душѣ, возбуждаетъ соотвѣтственное настроеніе. Поэтому народныя зрѣлища и забавы подчасъ бываютъ жестоки: кулачный бой, драки всѣхъ сортовъ, травля животныхъ, пѣтушныя бои, присутствіе при казняхъ, если онѣ совершаются публично и т. п. Поэтому же проявленія необычайной физической энергіи и героизма очень нравятся и подросткамъ, вызывая у нихъ живыя подражанія.

Высшій видъ идейнаго подражанія есть подражаніе собственно взглядамъ и убѣжденіямъ. Этотъ видъ подражанія начинается съ юношескимъ возрастомъ. Въ это время пора увлеченія физическимъ героизмомъ проходитъ, возникаютъ новые интересы, новые вопросы о цѣли и смыслѣ жизни, о сущности природы, о судьбѣ человѣка. Юноша считаетъ эти вопросы настолько существенными и необходимыми, что съ необычайнымъ упорствомъ стремится къ ихъ разрѣшенію. А кто можетъ разрѣшить ихъ? Между тѣмъ, жизнь ставитъ множество другихъ частныхъ вопросовъ, напримѣръ, объ устройствѣ общества и государства, о важнѣйшихъ дѣятельностяхъ въ немъ и т. п. Подъ наплывомъ цѣлой массы такихъ разнородныхъ и трудныхъ вопросовъ, юноша начинаетъ прислушиваться къ общественнымъ толкамъ и разговорамъ, бесѣдовать на подобныя темы съ своими товарищами и знакомыми, читать книги, посѣщать разныя собранія и общества, въ которыхъ обсуждаются интересующіе его вопросы, наблюдать направленія и особенности общественной мысли, литературныхъ и иныхъ партій и т. п. Самому ему трудно разобраться въ этомъ клубкѣ вопросовъ и встрѣчныхъ общественныхъ теченій, онъ болѣе или менѣе сознательно избираетъ себѣ руководителя и начинаетъ ему подражать. Настаетъ эпоха собственно идейнаго подражанія. Сегодня юноша увлекается естествознаніемъ, завтра социологіей, послѣ завтра философіей, потомъ специально экономическими вопросами, народничествомъ, искусствомъ

и т. д. безъ конца. Возникають модныя умственные направленія, и лица, не примыкающія къ нимъ, признаются отсталыми. Какъ бываетъ мода на платье, такъ бываетъ мода и на идеи, и чему человекъ больше подражаетъ:— платью или идеямъ—сказать трудно.

Чтобы увлечь юношу на подражаніе идеѣ, весьма важно высказать эту идею сжато и рѣшительно, съ прибавленіемъ, что излагаемая идея есть послѣднее слово науки, и только невѣжда и глупецъ могутъ не раздѣлять такой идеи. Идея не должна быть слишкомъ сложной и трудной и непременно должна давать, хотя бы убогіе по своей простотѣ, но рѣшительные отвѣты на разные трудные и сложные вопросы. Чѣмъ фанатичнѣе проповѣдь идеи, тѣмъ скорѣе и болѣе найдетъ она подражателей. Особенно много рассчитывать, при распространеніи идеи, на глубину ея и справедливость нечего, распространенность идеи часто имѣетъ совсѣмъ другія причины, не находящіяся въ связи съ ея внутренними достоинствами.

Идейная подражательность находится въ самой тѣсной связи съ памятью, воображеніемъ и общимъ возбужденіемъ и подъемомъ духовной жизни въ юности. О связи идейной подражательности съ памятью мы уже говорили. Живое воображеніе требуется при подражаніи книжнымъ героямъ и подвигамъ. Недостаточно того, чтобы авторъ произведенія далъ яркую и живую картину извѣстныхъ происшествій; нужно, чтобы и подражатель сумѣлъ воспользоваться разсказомъ, отчетливо все себѣ представилъ, а затѣмъ воспроизвелъ. Для этого тоже требуется творчество, хотя и далеко не того размѣра, какъ авторское. Когда подражаніе выражается цѣлымъ рядомъ дѣйствій, когда необходимы разнообразные матеріалы и средства для его осуществленія, тогда тѣмъ больше нужно творчества, чтобы надлежащимъ образомъ справиться съ матеріаломъ, недостатокъ одного замѣнить другимъ, все привести въ связь и порядокъ. Поэтому скудное воображеніе, какъ и слабая память, плохой помощникъ идейной подражательности. Наконецъ, для подражанія

собственно идеямъ, требуются непременно запросъ на идеи, назрѣвшая жажда ума въ разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, способность понимать философскіе и всякіе иные взгляды. Все это предполагаетъ подъемъ духовной жизни, достиженіе ею нѣкоторой высоты развитія. При отсутствіи такой почвы, такой подготовки, никакія идеи не нужны и не представляется надобности создавать себѣ кумирь, въ видѣ какой-либо модной идеи.

Такимъ образомъ идейная подражательность оказывается находящеюся въ самой тѣсной связи съ разными сторонами душевной жизни и не только не противоположною, но непосредственно граничащею съ творчествомъ, по временамъ даже сливающеюся съ нимъ въ одинъ сложный процессъ.

Въ виду громадной силы и крайняго разнообразія предметовъ подражательности, простирающейся на все—и на великое и на малое, и на хорошее и на дурное, каждому взрослому, приходящему въ какое-либо отношеніе съ дѣтьми, необходимо быть крайне осторожнымъ, слѣдить за собою, за всѣми своими дѣйствіями и поступками, — дѣти легко могутъ перенять всякую мелочь. Чтеніе дѣтей должно подвергнуться также тщательному наблюденію, иначе дитя легко можетъ создать вокругъ себя особый искусственный міръ, явиться своеобразнымъ Донъ-Кихотомъ, подражать сданнымъ въ архивъ героямъ, подвигамъ, невозможнымъ приключеніямъ. Такъ какъ дитя можетъ подражать всему видимому и слышимому, то приходится относиться крайне осторожно ко всякимъ впечатлѣніямъ, доходящимъ до дитяти, рассчитывать каждый свой шагъ, что, конечно, не особенно легко и пріятно. Наконецъ, не нужно забывать, что разнообразныя теченія общественной мысли, умственные моды и повѣтрія, направленія журналистики, тѣ вопросы, которые въ ней особенно часто ставятся и горячо обсуждаются, также вызываютъ идейныя подражанія въ юношества и такимъ образомъ являются болѣе или менѣе серьезно воспитывающею силою. Подражательность широко раскидываетъ свои сѣти, уловляя въ нихъ отдѣльныхъ

лицъ и целые общества, факты и события, исторически важные и другие выходящие

лицъ и цѣлыя общества, факты и идеи, постоянныя настроенія и летучія впечатлѣнія.

IX.

Массовая подражательность.

Смѣшанный видъ подражаній, реально-идейныхъ, составляетъ массовая подражательность. Въ ней важны два случая: подражаніе единицъ массѣ и массы единицѣ.

При изслѣдованіи подражаній единицъ массамъ бросается въ глаза громадное вліяніе массы на единицу, та страшная увлекающая сила, какую обнаруживаетъ масса по отношенію къ единицѣ. Весьма часто единица по отношенію къ массѣ уподобляется куску дерева, попавшаго въ сильный потокъ, въ полный вешними водами быстро бѣгущій ручей, — дерево плыветъ туда, куда его увлекаетъ потокъ, и не можетъ остановиться или принять при движеніи свое особое направленіе. Чѣмъ объясняется такое могучее вліяніе массы на единицу? Прежде всего и больше всего громаднымъ количествомъ однородныхъ впечатлѣній, посылаемыхъ массою единицѣ.

Войти въ толпу, одушевленную однимъ и тѣмъ же чувствованіемъ, значитъ войти въ сильный потокъ. Вся эта масса выражаетъ одно, проникающее ее, чувствованіе, она кричитъ, жестикулируетъ, на лицахъ толпы отображается одна мысль. Одушевленная однимъ чувствованіемъ толпа— это одинъ тысячеголовый, съ тысячею паръ рукъ и ногъ, съ тысячею туловищъ человѣкъ, который однимъ живетъ, одно чувствуетъ; на его тысячѣ лицъ одно и тоже выраженіе. И вотъ отъ этой тысячи головъ, рукъ, ногъ, туловищъ идутъ тысячи движеній, тысячи криковъ, тысячи мимическихъ выраженій и обрушиваются на единицу, на всѣ ея органы внѣшнихъ чувствъ, на ея умъ, память, чувство, волю. Можетъ ли устоять единица предъ такимъ натискомъ? Трудно ей преодолѣвать эти, отовсюду настагающія ее,

однородныя впечатлѣнія, проникающія въ глаза, въ уши, въ лицо, во всѣ поры тѣла, во всѣ изгибы души, трудно ей устоять въ этомъ неравномъ спорѣ. Подражательность, по существу, дѣло невольное, неизбежное, и разъ встрѣтились благопріятныя условія для возникновенія и развитія подражательности, она возникнетъ и разовьется. А такимъ, чрезвычайно благопріятнымъ, условіемъ для развитія подражательности и служитъ отношеніе массы къ единицѣ, вліяніе первой на послѣднюю. Исторія полна фактами, несомнѣнно свидѣтельствующими, что толпа, не производя никакого физическаго насилія надъ единицею, силою нравственнаго вліянія совершенно преобразуетъ единицу, заставляетъ ее дѣлать то, чего единица не хотѣла, чему противилась, что признавала преступленіемъ. Вотъ что рассказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 году ¹⁾.

„Въ то время, когда была борьба за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера, съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго ничкомъ на крыльцѣ и горько плакавшаго. На мой вопросъ: „о чемъ онъ плачетъ?“, онъ, показывая на Соколова, сказалъ: „что дѣлается? Убиваютъ не командира, а отца!“ Я началъ ему говорить, что вмѣсто того, чтобы плакать въ сторонѣ, онъ пошелъ бы лучше туда и старался уговорить поселенъ, чтобы Соколова оставили и отдали мнѣ. Унтеръ-офицеръ побѣждалъ туда, но не прошло и двухъ минутъ, какъ, пробившись съ нѣсколькими поселенями на помощь Соколову, я увидѣлъ того же унтеръ-офицера съ коломъ въ рукѣ, бьющаго Соколова. — „Что ты дѣлаешь? Не самъ ли ты говорилъ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ?“ На это унтеръ-офицеръ мнѣ отвѣчалъ: „уже видно, что теперь пора такая, ваше высокоблагородіе. Видите, что весь міръ бьетъ, что жъ я буду стоять такъ!“

Фактъ краткій, но крайне характерный. Его подлинность

¹⁾ Бунтъ военныхъ поселенъ въ 1831 г. Разказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб. 1870 г. Стр. 82.

и точность остаются, конечно, вполне на отвѣтственности сообщившаго.

Кромѣ указаннаго основнаго условія сильнаго вліянія массы на единицу, есть еще нѣсколько другихъ, болѣе частнаго характера. Къ нимъ относятся: а) недостаточная сформированность и твердость отдѣльной личности. Въ такомъ положеніи бываютъ дѣти, у которыхъ еще все находится въ процессѣ образованія. Много очень мягкихъ и податливыхъ на всякія вліянія людей есть и между взрослыми; б) низшій уровень массы сравнительно съ развитіемъ единицы. Масса по своимъ качествамъ и настроенію можетъ быть различна, можетъ быть и выше отдѣльной личности, можетъ быть и ниже. Если она ниже, то будетъ увлекать и единицу книзу, приучать къ жестокости, къ попранію правъ отдѣльныхъ лицъ и т. п. А обыкновенно гораздо болѣе шансовъ къ тому, чтобы склонить человѣка къ пороку, чѣмъ къ добродѣтели; в) если человѣкъ, подвергающійся вліянію массы, самостоятельный и стремится всегда отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то его къ подражанію можетъ склонять мысль о неудобствахъ и даже опасности отдѣленія отъ массы и о тѣхъ выгодахъ, которыя могутъ быть извлечены изъ дружнаго дѣйствованія съ нею.

Въ виду множества причинъ, побуждающихъ отдѣльнаго человѣка дѣйствовать согласно съ массой, подражать ей, возникаетъ вопросъ: можетъ ли человѣкъ устоять противъ подражательности массъ, можетъ ли онъ поступать по своему? Хорошій ученикъ, попавшій въ дурное товарищество въ школѣ, можетъ ли сохранить свои достохвальныя качества, оставаясь въ средѣ, низшей его въ какомъ-либо отношеніи? Давно вѣдь сказано, что дурное общество портитъ добрые нравы.

Если имѣть въ виду школу собственно, то слѣдуетъ признать постоянную наличность условій, поддерживающихъ личность противъ массы. Школьная толпа никогда не бываетъ однородной; невозможное дѣло, чтобы она всецѣло состояла изъ дѣтей одного настроенія и качествъ—лѣнтыевъ,

праздношатающихся, любителей всячески обманывать учителей и т. д. Слѣдовательно, единица всегда можетъ найти поддержку въ нѣкоторой, большей или меньшей, части толпы, а это удесятеритъ силы личности. Далѣе, единица и единомыслящее съ нею меньшинство пользуются поддержкой со стороны семьи—родителей и знакомыхъ—и школы—отъ воспитателей, учителей, начальства. Меньшинство въ школѣ такимъ образомъ не брошено на произволъ судьбы, напротивъ, ему со всѣхъ сторонъ оказываютъ помощь. А такъ какъ весь строй школы направленъ къ тому, чтобы содѣйствовать развитію и укрѣпленію лучшихъ, благородныхъ сторонъ въ человѣкѣ, такъ какъ къ этому стремятся и преподаваніе, и дисциплина, и живыя отношенія между руководящими лицами и учащимися, то, очевидно, неблагопріятныя вліянія школьной толпы на отдѣльную личность встрѣчаютъ на каждомъ шагу значительную сдержку. Конечно, вліяніе толпы все же останется сильнымъ, но степень его будетъ находиться въ зависимости отъ нравственной упругости единицы, свойствъ ея характера, условій жизни въ семьѣ и школѣ. Такимъ образомъ даже при предположеніи, что ученикъ, поступая въ школу, встрѣчаетъ въ большей части школьниковъ неблагопріятное товарищество, нельзя считать дѣло единицы, точнѣе меньшинства, проиграннымъ по отношенію къ большинству, нельзя думать, что большая школьная толпа неизбежно увлечетъ за собою меньшую, подавить ея самостоятельность и заставить плясать подъ свою дудку. Возможны еще два исхода: а) нравственный перевѣсъ меньшинства надъ большинствомъ, постепенное привлеченіе къ меньшинству членовъ изъ большинства и въ заключеніе превращеніе бывшаго меньшинства въ большинство и б) параллельное самостоятельное развитіе большинства и меньшинства.

Тамъ, гдѣ толпа сплошь однородна, гдѣ она сильно одушевлена какимъ-либо однимъ чувствомъ, гдѣ единица не встрѣчаетъ поддержки ни въ комъ вокругъ себя и оказывается буквально единицей, тамъ ей трудно сохранить

свою самостоятельность, трудно капль не слиться съ моремъ. Чтобы противостать такой толпѣ, единица должна быть не просто единицей, а героемъ.

При обратномъ отношеніи, т. е. когда толпа подражаетъ единицѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду два случая: когда у толпы и единицы есть общія стремленія, общіе интересы, общее настроеніе, и когда такихъ объединяющихъ связей между ними нѣтъ.

При наличности общихъ стремленій между толпой и единицею, подражательныя дѣйствія толпы легко понятны. Единица, которой будетъ подражать толпа, не есть что-либо отличное и отдѣльное отъ толпы, это—сама толпа, сконцентрированная въ одной личности, въ которой всѣ стремленія толпы выражены сильно и рѣзко. То, что въ толпѣ бродитъ не совѣмъ ясно и опредѣленно, что разсѣяно и разбросано между множествомъ отдѣльныхъ членовъ толпы, то все собрано и объединено въ одной выдающейся и характерной личности. Эта личность — зеркало толпы, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Подражая такой личности, толпа собственно подражаетъ самой себѣ. Такая личность есть вожакъ. Вожакъ выдается надъ толпой, онъ сильнѣе каждой отдѣльной личности толпы, онъ больше одушевленъ общою любовью или ненавистью, онъ задаетъ тонъ толпѣ. Въ томъ направленіи, въ которомъ настроена толпа, вожакъ можетъ увлечь ее дальше, чѣмъ толпа сама по себѣ желала бы идти; онъ можетъ подбить толпу на болѣе рѣзкія дѣйствія, на большія преступленія, на большую жестокость, чѣмъ какія были бы проявлены толпой самой по себѣ; но вожакъ безъ толпы ничего не значитъ, безъ нея онъ нуль, онъ лишь зеркало, отражающее другой предметъ, но не себя. Поэтому вожакъ долженъ чутко слѣдить за настроеніемъ толпы, и если онъ позволитъ себѣ слишкомъ увлечься своими личными чувствованіями, симпатіями и антипатіями, то онъ рискуетъ отдѣлиться отъ толпы, уйти отъ нея слишкомъ далеко впередъ, или въ сторону, и тогда онъ потеряетъ всякую силу и значеніе, толпа не послѣдуетъ за нимъ, и онъ останется одинъ.

Въ каждой толпѣ есть свои вожаки, безъ вожака толпа скоро распадется, рассыплется. Гдѣ толпа, тамъ и вожакъ. Въ школьныхъ толпахъ также бываютъ вожаки. Чрезвычайно важно для правильнаго веденія школы знать, кто вожаки цѣлой школы и отдѣльныхъ классовъ и умѣть вліять на нихъ. Владѣя вожаками, можно владѣть до извѣстной степени и толпой, такъ какъ вожакъ вліятельная личность въ школѣ или въ классѣ. Многое, что таится глубоко въ душѣ толпы, выражается только благодаря вожаку. Въ школѣ есть недовольство противъ учителя или воспитателя. Если не найдется вожака, то недовольство ничѣмъ рѣзкимъ не обнаружится, будутъ говорить, сѣтовать, выражать другъ другу свои протесты—и только. Является вожакъ, и дѣло разомъ обостряется. Стоитъ ему первому крикнуть, свиснуть, бросить жеваной бумагой—и моментально поднимутся адскій шумъ, крики, раздадутся свистки, полетятъ книги, карандаши, все, чѣмъ можно бросить. Школа валитъ за вожакомъ, какъ полкъ за знаменосцемъ. Но справляться съ одними вожаками все же недостаточно, такъ какъ они только рельефные выразители толпы; нужно смотрѣть глубже и вліять на самую толпу.

Исторія представляетъ намъ массу фактовъ, когда очень опредѣленно выразились отношенія между толпою и вожакомъ. Напримѣръ, Петръ Амiенскій и воинство перваго крестоваго похода—это толпа и вожакъ. Конечно, не Петръ Амiенскій вызвалъ первый крестовый походъ, онъ только выразилъ то, что накипѣло въ душѣ милліоновъ людей. Лютеръ былъ подобнымъ же вожакомъ въ религіозномъ отношеніи. Была масса вожаковъ въ социально-политическомъ отношеніи, у насъ, напримѣръ, самозванцы, Ермакъ и т. д. Всѣ подобныя лица и историческіе дѣятели выражали лишь назрѣвшія желанія и чаянія толпы. Этою наличностью общаго настроенія, выражаемаго вожаками, объясняется и тотъ удивительный фактъ, что вожаками становились иногда не живыя лица, а поэтическія созданія, напр. Гетевскій Вертеръ, вызвавшій манію самоубійствъ. Эти подражательныя само-

убійства нужно понимать не такъ, что произведеніе всецѣло создало въ читателѣ соответствующее настроеніе, а такъ, что оно только ярко выразило таившееся въ душахъ многихъ чувство. Поэтическое созданіе было искрою, упавшею на порохъ и потому произведшею взрывъ. Искра, упавшая на другое мѣсто, произвела бы и другое дѣйствіе, а, можетъ быть, и совсѣмъ никакого не произвела бы.

Въ своемъ подражаніи единицѣ толпа можетъ подняться на одну ступень выше, подражать не выразителю своихъ стремленій, но человѣку, существенно отличающемуся отъ нея по всему своему складу, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, имѣющему свои собственные идеалы и желающему привить эти идеалы толпѣ. Это не вожакъ, а герой. Подражанія въ подобныхъ случаяхъ бываютъ трудны для толпы, и она подражаетъ героямъ мало. Только время отъ времени герою удастся наэлектризовать толпу, увлечь ее, заставить короткое время жить одною жизнью съ нимъ, одушевиться его идеями и чувствами. Но долго пребывать въ такомъ настроеніи толпа не можетъ, она скоро ниспадаетъ къ своему будничному образу мыслей, отказывается идти вслѣдъ за своимъ героемъ и, при случаѣ, не прочь бываетъ отдать его на пропятіе.

Истинный герой—человѣкъ одинокій, мало понимаемый, мало цѣнимый; обыкновенная его судьба—гибель, увлажненіе почвы человѣческаго прогресса своею кровью, протореніе новыхъ путей, а спустя нѣсколько вѣковъ по смерти—обоготвореніе или великая слава, впрочемъ далеко не для всѣхъ. Бываютъ истинные герои, которые проходятъ мало замѣченными, дѣла которыхъ не шумны, съ виду не эффектны, но по существу велики. Толпа готовится героями къ новой жизни; герои—соль земли; цѣлый рядъ великихъ и неизвѣстныхъ героевъ, пробивая новые пути, гибнетъ, успѣвая только на короткое время увлечь за собой толпу. Когда же почва будетъ подготовлена, толпа нѣсколько воспитана и двинута впередъ въ извѣстномъ направленіи, тогда на смѣну героя является простой вожакъ и, пользуясь своимъ

духовнымъ сродствомъ съ толпой, будучи только первымъ изъ толпы, совершаетъ то, чего не могъ сдѣлать герой, и приобретаетъ себѣ громкое историческое имя и даже возводится въ санъ героя. Впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ граница между героемъ и вожакомъ не всегда бываетъ рѣзкая и достаточно замѣтная.

Конечно, единица можетъ увлечь за собой толпу, при отсутствіи между ними общаго настроенія, не только въ важныхъ дѣлахъ, но и въ мелочахъ, увлечь опять вопреки ея желаніямъ, что свидѣтельствуетъ за произвольный характеръ подражательности. Въ одну школу явился однажды господинъ съ страннымъ предложеніемъ—за небольшое вознагражденіе заставить зѣвать всю школу, учениковъ и учителей. Условіе было заключено. Десять учениковъ и два учителя рѣшили особенно настойчиво противиться заразительности зѣвоты и въ этомъ смыслѣ составилось нѣсколько пари. Всѣ собрались въ большой залѣ, и странный человекъ началъ сеансъ тѣмъ, что сталъ слегка позѣвывать, возбуждая сначала насмѣшки; но по мѣрѣ того, какъ онъ постепенно и съ большою натуральностью усиливалъ свои зѣвки, нѣкоторые изъ школьникова начали заражаться. Къ нимъ понемногу приставали другіе, и наконецъ всѣ присутствующіе зазѣвали во весь ротъ. Болѣе слабые зѣвали до боли ¹⁾.

Такимъ образомъ, если во влияніи толпы на отдѣльную личность есть что-то роковое, неотразимо дѣйствующее, то такой-же роковой характеръ въ извѣстныхъ предѣлахъ нужно приписать и влиянію единицы на толпу.

Х.

Общая психологическая и педагогическая оцѣнка подражательности.

Въ заключеніе нашего очерка о подражательности, остается обсудить еще одинъ вопросъ: какъ смотрѣть на подражательность вообще: есть ли она благо, или зло? При

¹⁾ Rambosson, *Phénomènes nerveux, intellectuels et moraux*. Paris, 1883. p. 216—217.

воспитаніи нужно ли поощрять развитіе подражательности, или всѣми мѣрами ее стѣснять и искоренять?

Этотъ вопросъ разрѣшается тѣми замѣчаніями и сужденіями о подражательности, которыя изложены.

Многіе считаютъ подражательность зломъ, подлежащимъ уничтоженію, потому что видятъ въ ней явленіе чисто механическое, мертвое, противоположное творчеству и оригинальности, составляющимъ украшеніе душевной жизни человѣка. Распространеніе подражательности, по этому мнѣнію, обезличиваетъ людей, влечетъ безконечныя повторенія, безчисленныя воспроизведенія сдѣланнаго и бывшаго,—и больше ничего. Поэтому многимъ кажется, что серьезное, разумное воспитаніе должно вступить въ борьбу съ подражательностью и стремиться не только къ ея наибольшему сокращенію и ограниченію, но и къ возможному искорененію.

Въ этомъ взглядѣ на подражательность есть доля истины. По своему основному механизму, въ своей элементарной формѣ, подражательность есть дѣятельность мимовольная, рефлективная, мало сознательная. Какъ скоро впечатлѣніе проникло въ душу другого и достигло значительной степени ясности, оно, въ силу присущаго ему двигательнаго свойства, неизбежно будетъ влечь къ соответствующему дѣйствию и повторенію. Это все равно, что внушеніе, невольно побуждающее человѣка къ исполненію заданной ему задачи. Образъ, съ присущимъ ему двигательнымъ стремленіемъ,—это зараза, которая, проникнувъ въ человѣческую душу, необходимо произведетъ свое дѣйствіе. Не допускайте впечатлѣнію пустить ростокъ въ душѣ, тогда вы въ корнѣ подорвете подражательность; допустили впечатлѣнію и возникшему изъ него образу достигнуть живости и тогда поневолѣ миритесь съ подражаніемъ. Но это же указываетъ, что подражательность есть необходимое свойство человѣческой природы, результатъ двигательнаго стремленія, присущаго всѣмъ душевнымъ состояніямъ человѣка, столько же чувствованіямъ, сколько образамъ и даже идеямъ. Это не инстинктъ, не что-либо благопріобрѣтенное, а коренная черта душевнаго орга-

низма человѣка. Поэтому считать подражательность зломъ столь же бесполезно, какъ бесполезно печалиться о смертности человѣка, о необходимости для него принимать чрезъ извѣстные промежутки пищу и т. п.

Устраняя мысль объ искорененіи подражательности, мы можемъ поставить вопросъ объ ея ограниченіи, какъ дѣятельности часто мимовольной и мало сознательной. Но здѣсь мы должны оговориться. Подражательность по сущности мимовольна, но затрагиваетъ много весьма цѣнныхъ свойствъ человѣка. Въ самомъ процессѣ подражательности мы указали ея тѣсную связь съ самодѣятельностью, съ характеромъ человѣка, ея гармонію или дисгармонію съ предшествующимъ опытомъ личности, вслѣдствіе чего и становится возможнымъ появленіе гениевъ и идіотовъ подражательности. Далѣе, рассматривая отдѣльные виды и ступени въ развитіи подражательности, мы отмѣтили тѣсную связь подражательности съ развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, наблюдательности, сообразительности, памяти, живого воображенія и съ общимъ подъемомъ душевной жизни человѣка въ юности. А такое тѣсное, можно сказать, неразрывное сплетеніе подражательности со многими цѣнными сторонами душевной жизни и дѣятельности человѣка свидѣтельствуєтъ, что въ подражательности мы имѣемъ дѣло съ глубоко-жизненнымъ явленіемъ, къ которому должны относиться осторожно. Тардъ преувеличиваетъ, утверждая, что гениальная мысль есть встрѣча одного подражанія съ другимъ, однихъ традиционныхъ ученій съ другими; что всякое изобрѣтеніе сводится къ счастливой встрѣчѣ въ мыслящемъ мозгу какого-нибудь подражательнаго теченія съ другимъ подражательнымъ потокомъ, усиливающимъ первый. Принижать творческіе процессы не для чего, изъ простой встрѣчи двухъ подражаній ничего творческаго не выйдетъ. Въ творчествѣ важны: новое сопоставленіе прежде извѣстнаго матеріала, его новое освѣщеніе, новые выводы изъ него. Безъ новизны творчества быть не можетъ. А для полученія такого результата недостаточно чисто случайной встрѣчи

однихъ традиціонныхъ ученій съ другими. Но нельзя не признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что подробный анализъ каждаго открытія и изобрѣтенія разлагаетъ его обыкновенно на рядъ уже прежде извѣстныхъ положеній, такъ что подчасъ новизна и оригинальность открытія, какъ будто, ускользаютъ, и изслѣдователь приходитъ къ старинному заключенію, что ничто не ново подъ луною. А это потому, что подражательность находится въ самой тѣсной связи съ разными цѣнными сторонами нашего духа, между прочимъ, съ живымъ воображеніемъ и самодѣятельностью, творчествомъ, и отдѣлить ее отъ послѣднихъ часто бываетъ трудно.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на социальное значеніе подражательности. Подражательностью люди сближаются и сплываются, тѣснѣе примыкаютъ другъ къ другу: въ силу подражательности изобрѣтенія и усовершенствованія разнаго рода, всякія открытія и новинки быстро распространяются, а дѣятельность людей становится гармоничнѣе, единодушнѣе, сильнѣе. Безъ подражательности общественныя связи значительно ослабѣли бы, напримѣръ, симпатія. Симпатія не можетъ быть безъ подражательности, а подражательность безъ симпатіи встрѣчается нерѣдко. Симпатія же есть весьма важное явленіе для развитія общественности. Словомъ, подражательность есть формирующая общественная сила. Притомъ доходить до всего своимъ умомъ, все изобрѣтать самому, цѣлому-ли народу или отдѣльной личности, слишкомъ медленно и бесполезно; это значило бы безъ всякой нужды затруднять развитіе культуры, задерживать умственный ростъ народа и личности. Зачѣмъ ломиться въ открытую дверь? Зачѣмъ изобрѣтать то, что давнымъ давно изобрѣтено, что легко перенять у другихъ? Свои силы нужно тратить производительно, съ пользой для себя и для другихъ.

На основаніи изложенныхъ соображеній, смотрѣть свысока на подражательность не приходится, это великая и благодѣтельная сила. Конечно, эта сила можетъ развиваться и часто развивается въ дѣтствѣ непропорціонально по отношенію къ другимъ силамъ, является чрезмѣрной, безъ вся-

кихъ особыхъ заботъ и хлопотъ о ней, вслѣдствіе естественныхъ органическихъ причинъ; но дѣло здѣсь не столько касается самой подражательности, сколько недостаточнаго развитія процессовъ, тѣсно связанныхъ съ подражательностью. Нужно принимать мѣры къ тому, чтобы развитіе подражательности не заглушало другихъ, болѣе цѣнныхъ, дѣятельностей человѣка. Пусть наблюденіе, запоминаніе и живое воображеніе работаютъ не только въ интересахъ подражательности, но и въ другихъ, независимыхъ отъ нея; особенно же пусть развивается самодѣятельность, творчество, —этотъ драгоцѣннѣйшій даръ человѣка. На культуру творчества нужно обратить особенно тщательное вниманіе, иначе подражательность разрастется необычайно широко. Словомъ, развитія подражательности бояться нечего, если параллельно съ ней будутъ развиваться и другіе процессы, особенно творческіе. А какъ развивать эти другіе процессы—будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Что касается самой подражательности, то объ ея развитіи хлопотать много нечего, она сама будетъ развиваться съ достаточною быстротою; скорѣе нужно заботиться о томъ, чтобы сдерживать ее, ставить въ опредѣленныя границы, направлять. Въ этихъ видахъ, какъ выше замѣчено, чрезвычайно важно заботливо относиться къ процессамъ, находящимся въ связи съ подражательностію, именно къ развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ, наблюдательности, запоминанія, сообразительности, воображенія; далѣе, точно также важно указывать, что цѣлесообразно подражать сущности дѣла, главному, а не мелочамъ и внѣшности, что при подражаніи нѣтъ необходимости въ буквальной копировкѣ образца. Подражаніе нужно, по возможности, всегда при воспитаніи осмысливать идей, одушевлять духомъ, больше стремиться къ подражанію систематическому и идейному, чѣмъ разрозненному и внѣшне фактическому. А для этого нужно приучать воспитываемаго въ безпорядочномъ, съ виду, множествѣ отдѣльныхъ проявленій личности и безчисленномъ количествѣ формъ и оттѣнковъ явленія отыскивать связующую

мысль, объединяющій характеръ, словомъ, учить постигать частности и отдѣльные случаи и черты какъ проявленія цѣлаго, единого и связнаго. Конечно, подражаніе необходимо должно начаться съ внѣшняго, но постепенно оно должно дойти до внутренняго, до идеи, и освѣтиться и осмыслиться этимъ внутреннимъ, этой идеей. Тогда оно будетъ разумной и плодотворной дѣятельностію, содѣйствующею правильному развитію человѣка и человѣчества. Къ такой постановкѣ, къ такому направленію подражательности и должно стремиться воспитаніе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ УКАЗАНИЯ.

Большое значеніе подражательности въ развитіи отдѣльныхъ людей и человѣческихъ обществъ должно бы вызвать спеціальныя изслѣдованія этого важнаго явленія. А между тѣмъ психологи посвящаютъ ему лишь только главы или части главъ въ отдѣлѣ о волѣ. Спеціальныя изслѣдованія о подражательности дали слѣдующія лица:

Rambosson, Phénomènes nerveux, intellectuels et moraux. Paris, 1883. (Подражательность здѣсь изслѣдуется съ общепсихологической точки зрѣнія).

Тардъ, Законы подражанія. Пер. съ франц. Спб., 1892 г. (Изслѣдованіе подражательности съ общественной точки зрѣнія).

Н. Михайловскій, Герои и толпа. (Монографія въ собраніи сочиненій. Изслѣдованіе ведется также съ общественной точки зрѣнія).

Спеціально о подражательности у дѣтей писали:

Preyer, Die Seele des Kindes. Leipzig, 1890. 3 Auflage. Cap. 12.

Compauryé, L'Evolution intellectuelle et morale de l'enfant. Paris, 1893. (Есть русскій переводъ этого сочиненія Исаевой и Макухиной. Спб., 1896 г.). Chap. IX.

Perez, Les trois premières années de l'enfant, Paris, 1886. 3 ed. (есть русскій пер. этого сочиненія Цебриковой. Спб., 1879). Chap. VI.

Egger, Observations et reflexions sur le development de l'intelligence et du langage chez les enfants. Paris, 1879. P. 10—14 и др.

